



Антонио Катиоро

Жизнь Петра Великого

Императора Российского,
составленная по извлечениям
из различных записок,
опубликованных
во Франции
и в Голландии

*P I
IL G*
IMPERADOR DELA RUSSIA;
SCRITTA DALL'ALBATE
ANTONIO CATIFORO
EDIZIONE QUINTA

Riveduta, ed accresciuta dall'Autore.



Историческое наследие

Антонио Катифоро

Жизнь Петра Великого

«НЛО»

2022

Катифоро А.

Жизнь Петра Великого / А. Катифоро — «НЛО»,
2022 — (Историческое наследие)

ISBN 978-5-44-482031-5

«Жизнь Петра Великого», выходящая в новом русском переводе, — одна из самых первых в европейской культуре и самых популярных биографий монарха-реформатора. Автор книги, опубликованной в Венеции на итальянском языке в 1736 году, — итало-греческий просветитель Антонио Катифоро (1685–1763), православный священник и гражданин Венецианской республики. В 1715 году он был приглашен в Россию А. Д. Меншиковым, но корабль, на котором он плыл, потерпел крушение у берегов Голландии, и Катифоро в итоге вернулся в Венецию. Ученый литератор, сохранивший доброжелательный интерес к России, в середине 1730-х годов, в начале очередной русско-турецкой войны, принялся за фундаментальное жизнеописание Петра I. Для этого он творчески переработал вышедшие на Западе тексты, включая периодику, облакая их в изящную литературную форму. В результате перед читателем предстала не только биография императора, но и монументальная фреска истории России в момент ее формирования как сверхдержавы. Для Катифоро был важен также образ страны как потенциальной освободительницы греков и других балканских народов от турецких завоевателей. Книга была сразу переведена на ряд языков, в том числе на русский — уже в 1743 году. Опубликованная по-русски только в 1772 году, она тем не менее ходила в рукописных списках, получив широкую известность еще до печати и серьезно повлияв на отечественную историографию, — ею пользовался и Пушкин, когда собирал материал для своей истории Петра. Новый перевод, произведенный с расширенного издания «Жизни Петра Великого» (1748), возвращает современному читателю редкий и ценный текст, при этом комментаторы тщательно вывели всю информацию, излагаемую венецианским биографом. Для своего времени Катифоро оказался

удивительно точен, а легендарные сведения в любом случае представляют ценность для понимания мифопоэтики петровского образа.

ISBN 978-5-44-482031-5

© Катиоро А., 2022

© НЛЮ, 2022

Содержание

АНТОНИО КАТИФОРО И ЕГО БИОГРАФИЯ ПЕТРА I	9
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ	17
ПРЕДИСЛОВИЕ	20
КНИГА ПЕРВАЯ	25
КНИГА ВТОРАЯ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Антонио Катиоро

Жизнь Петра Великого

V I T A
D I
P I E T R O
I L G R A N D E

IMPERADOR DELLA RUSSIA;

E S T R A T T A

Da varie Memorie pubblicate in Francia,
e in Olanda.



V E N E Z I A;
APPRESSO FRANCESCO PITTERI
In Merceria all' Insegna della Fortuna Trionfante.

M D C C X X X V I.

Con licenza de' Superiori , e Privilegio.

АНТОНИО КАТИФОРО И ЕГО БИОГРАФИЯ ПЕТРА I

Одно из первых и самых популярных в XVIII в. жизнеописаний Петра I вышло в Венеции на итальянском языке в 1736 г.

Его длинный, в духе времени – разъяснительный, титул гласил: «*Vita di Pietro il Grande Imperador della Russia estratta da varie memorie pubblicate in Francia e in Olanda*» («Жизнь Петра Великого, Российского Императора: извлечения <дословно: извлеченная> из различных записок, опубликованных во Франции и Голландии»). Также в духе времени, жизнеописание вышло анонимным. Но в те времена пишущих людей и, соответственно, книг было мало, и анонимность сохранялась недолго. Так и венецианская книга в последующих итальянских изданиях, начиная со второго (1739), уже имела печатное имя своего создателя – Антонио Катиоро.

Выходец с греческого острова Закинф (иначе Закинтос, или Занте), из знатной семьи афинского происхождения, Антонио Катиоро¹ (ок. 1685–1763) был связан с венецианской и шире – итальянской культурой по рождению, так как Ионические острова тогда входили в число владений Светлейшей республики (Серениссимы) и венецианский вариант итальянского использовался там в качестве государственного². С 1702 г. Антонио обосновывается в Риме, сначала как ученик (*convictor*; т. е. живущий в интернате) Греческой коллегии Св. Афанасия, а затем как ее преподаватель. Вне сомнения, в Риме он считался униатом, грекокатоликом: подобный метод «похищения» образования в итальянских католических учреждениях был принят в греческой среде, не имевшей тогда, под турками или венецианцами, собственной системы православного обучения.

Священническую карьеру Катиоро начал в Венеции, при старейшем греческом приходе в Европе – св. Георгия «дей Гречи», где в 1710 г. был рукоположен во диакона известным епископом-униатом Мелетием (Типальдом)³. Это выглядело вполне естественно – выпускник римской униатской коллегии постригается у униатов в Венеции. Однако если в Риме православных, считавшихся тогда схизматиками, вообще в институционализованном виде не существовало, то в Венеции ситуация сложилась иной: тут действовали православные община, братство («сколетта Сан-Никколо») и иные учреждения. Антонио прибыл в Лагуну в самый разгар конфессиональных трений среди соплеменников: греческая община в тот момент переживала раскол, причем православные греки обращали свой взор к петровской России.

В те годы вообще возникли особо развитые связи между венециано-греческой общиной и русским правительством, и, вне сомнения, Катиоро именно в Венеции в тот момент познакомился или непосредственно с русскими эмиссарами, и/или с прорусски настроенными православными греками. Именно по просьбе последних 7 декабря ст. ст. 1710 г. Петр I отправляет в Серениссиму свое известное письмо-ходатайство в защиту храма Св. Георгия от захвативших его униатов, возглавляемых тем самым епископом Мелетием⁴.

Катиоро все-таки должен был сделать свой выбор, и он сделал его, как свидетельствует его биография, в пользу православных институций: все последующие годы Катиоро после-

¹ Согласно греческому написанию – Антониос Катифорос, однако мы будем придерживаться традиционного, итальянизированного варианта – Антонио Катиоро (при этом С. И. Писарев, переводчик «Жизни Петра Великого» в XVIII в., русифицировал имя как Антоний Катифор).

² В связи с таким пограничным обитанием в двух мирах и идентичность Катиоро становится неопределенной. Современные греческие исследователи считают его, естественно, греком, а итальянцы – итальянцем, раз он писал преимущественно по-итальянски и являлся всю жизнь гражданином Венецианской республики. Если нужна этническая конкретизация, то думается, что правильнее называть его итало-греческим автором.

³ Ястребов А., *свящ.* Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М., 2018. С. 215–220.

⁴ Там же.

довательно придерживается их стороны. В этом его укрепляет, вне сомнения, возвращение на Закинф, куда он уезжает вскоре после (униатского) поставления во диаконы. Более того, несмотря на «униатское прошлое», на родине он становится православным священником.

В 1715 г. из-за конфликта Серениссимы с Османской Портой и соответствующей военной угрозы со стороны турок молодой иеромонах покидает Закинф ради службы в России: приглашение было получено от самого А. Д. Меншикова – вероятно, через Венецию. Антонио пересекает Европу и отплывает на восток, но уже в самом начале морского путешествия его корабль терпит крушение у берегов Голландии. Катиоро, спасенный местными жителями, остается в Амстердаме некоторое время, которое он использовал также для овладения голландским языком, подрабатывая домашним учителем в богатой семье, в итоге так и не добравшись до России.

Турецко-венецианский конфликт на Адриатике продолжался, и Катиоро вновь оказался в Венеции, где получил должность преподавателя Греческой коллегии Флангиниса («Флангиниева школа»). Тогда же он усвоил для себя в итальянском обиходе титулование «аббат», соответствующее, вероятно, архимандриту.

На некоторое время, в 1725–1730 гг., он опять возвращается на Закинф, где теперь уже возглавляет церковную общину острова, но затем опять, и теперь уже надолго, обосновывается в Лагуне. Именно к этому венецианскому периоду, с 1732 по 1750 г., относятся большинство богословских и исторических трудов Катиоро, многие из которых до сих пор еще не изданы. Он публикует в 1734 г. ставшую популярной «Точнейшую грамматику греческого языка» («Γραμματικὴ Ἑλληνικὴ ἀκριβεστάτη»), переводит на новогреческий с французского «Историю Ветхого и Нового Завета» янсениста Н. Фонтена («Ἱστορία τῆς Παλαιᾶς καὶ Νέας Διαθήκης»); под его руководством выходит венецианский аналитический альманах «Storia dell' anno» («История года»), где большое, и уважительное, внимание уделялось делам России. Одним из его основных занятий стала титаническая работа над комментированным изданием и переводом на латынь полного корпуса сочинений патриарха Константинопольского Фотия I (ок. 820–896), однако этот труд он не сумел завершить, написав лишь вводную статью и составив сотни аннотаций⁵. Аббат продолжает преподавание в Греческой коллегии: среди его учеников – Елевферий Вулгарис, тоже выходец с Ионических островов, ставший при Екатерине II видным деятелем российской культуры – епископом Евгением.

К старости плодотворный литератор-богослов вернулся на родину, где и провел последние годы. К сожалению, увезенный им на Закинф архив погиб там во время землетрясения 1953 г.⁶

За жизнеописание Петра, которое и прославило его имя, Катиоро принялся в 1735 г. Его венецианская книга была сразу же переведена на новогреческий, затем трижды (!) на валашский – разными переводчиками во всех трех Дунайских княжествах, на «иллирийский славянский» (т. е. сербохорватский), на венгерский и, о чем ниже особо, на русский.

Высокое качество работы Катиоро (хотя теперь, спустя три столетия, мы находим в его тексте немало неточностей) обеспечивалось не только высокой культурой автора и научной добросовестностью, но и великолепной базой – венецианской Библиотекой св. Марка (Biblioteca Marciana), куда стекались не только все свежие книги, но и вся европейская периодика. Еще одно достоинство текста – его изысканная литературность. Так, автор, помимо обязательной Библии, цитирует Демосфена, Тацита, Овидия и других античных мудрецов (при этом, как выяснилось при переводе, он зачастую цитирует не самих классиков, а сборники «крылатых фраз», широко распространенные в ту эпоху).

⁵ См.: Losacco M. Antonio Catiforo e Giovanni Veludo: Interpreti di Fozio. Bari, 2003.

⁶ Μλόμπου-Σταμάτη Β. Στοιχεῖα γιὰ τὸν Ἀντώνιο Κατήφορο καὶ τὸν Θρακίκο Μηνιάτη // Κερκυραϊκὰ χρονικά. 1982. Τ. 26. Σ. 297–310; Καραθανάσης Α. Ε. Η Θλαγγίνειος σχολή της Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1986.

Книга Катиоро имеет шесть глав, названных по-итальянски «libri», то есть «книги»; это порой приводит к ложному представлению о якобы шеститомном сочинении. Но в любом случае это объемная публикация: в первом ее издании 350 страниц.

Первая глава – общий, энергично написанный экскурс в историю допетровской Руси с доведением повествования до регентства Софии, с указанием предпосылок для назревших реформ. В последующих пяти главах достаточно последовательно рассказывается собственно о царствовании Петра и о его преобразовательной деятельности.

Одним из первых в Европе Катиоро создал портрет самодержца-просветителя, справедливо сравниваемый с тем, что позднее был предложен в сочинениях Вольтера⁷. Однако для автора Петр был важнее не как просветитель, а как самодержец – талантливый создатель могучей православной державы. Восхищенно описывая успехи царя, он неоднократно восхваляет избранную им государственную систему, которую теперь называют меритократией: автор на примерах показывает, каким образом Петр собирал своих сподвижников, невзирая на титулы и происхождение. Несколько идеализированно представлено положение России в Западной Европе, которая, согласно автору, благосклонно восприняла новую могучую силу на Востоке. Вхождение Московского царства в европейское сообщество было обусловлено начальными яркими дипломатическими акциями – в первую очередь Великим посольством⁸. Автор описывает политические, экономические, военные реформы монарха, всегда успешные, по его мнению.

Православная империя представлялась автором как будущая освободительница подневольных народов от их турецких завоевателей, именно поэтому «Жизнь Петра Великого» получила такой широкий резонанс на Балканах.

Важен и исторический контекст появления книги. В 1735 г. вспыхнула очередная Русско-турецкая война, которая рассматривалась в Европе как неизбежное продолжение поступательного движения России на юг – к Балканам и Проливам. Как и большинство греков, Катиоро мечтал о возрождении Эллады, а живя в Венеции, не мог не заметить упадок ее военной мощи, на которую прежде уповали греки, и в целом ему был очевиден прагматизм венецианцев, давно видевших в турках традиционных и надежных коммерческих партнеров.

Повышенное внимание автор уделил религиозной проблематике. Это, вне сомнения, обусловливалось тем, что он священник, более того – православный священник в католическом окружении. Ему, как говорилось выше, самому пришлось пережить конфессиональные трудности и сделать свой выбор. Поэтому Катиоро подробно рассказал о беседе Петра с сорбонскими богословами в 1717 г. по поводу возможного объединения Католической и Православной Церквей⁹. Любопытно, что и последнюю Церковь он часто называет «*Cattolica*», имея в виду ее вселенскость¹⁰.

Уже спустя год после итальянского издания вышел греческий перевод книги, выполненный врачом греческой общины в Венеции А. Канкеллариосом. Публикация имела чуть более длинное название, чем в оригинале: «Βίος Πέτρου τοῦ Μεγάλου αὐτοκράτορος

⁷ Следует заметить, что еще ранее Вольтера образ монарха-просветителя был создан немецкими авторами (И. Г. Локштейн, Ю. Г. Рабенер) – именно они стали первыми, – а также Фонтенелем, «Похвального слова» которого Катиоро не мог не знать. Следуя по стопам Фонтенеля, Вольтер создал свой образ Петра I в «Истории Карла XII» (1730–1731), которую наверняка также использовал венецианский автор. Кроме того, на французском языке выходили очень содержательные записки Ф. Х. Вебера. Что касается Голландии, то там вышла действительно первая полная посмертная биография Петра, написанная Ж. Руссе де Мисси (Нестесураной) по-французски.

⁸ Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия. 1697–2006. СПб., 2008; *Они же*. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.

⁹ См.: Талалай М. Г. Католический фактор внешней политики Петра I и его визит во Францию в 1717 году // Европейские маршруты Петра Великого. К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. СПб., 2019. С. 358–366.

¹⁰ В русском языке для данного плана возник удобный нюанс: Западная Церковь – католическая, Восточная – кафедральная; обыгрывается возможность разной транслитерации греческой фиты.

ῥουσσίας, πατὴρ πατρίδος, συλλεγες ἐκ παντοίων ὑπομνημάτων ἐν Γαλλίαις καὶ Ὀλλανδίᾳ ἐκδοθέντων», так как после титула «автократор¹¹ Российский» стояло прибавление «Отец Отечества». Не приходится сомневаться, что на венецианские печатные станки этот перевод пошел после визы его автора (в тот момент – еще анонимного), однако вызывает удивление, что рафинированный аббат доверяет важное переводческое дело некоему медику – нет ли здесь какой-то издательской или авторской уловки? И не написал ли сам Катиφόро греческую версию, не поставив свое имя ради сохранения анонимности?

В 1742 г. за перевод книги Катиφόро на русский берется молодой чиновник при Коллегии иностранных дел Стефан (Степан Иванович) Писарев (ок. 1708–1775). Неизвестно, рассматривал ли он книги других авторов, но на его стол в итоге попадает именно трактат Катиφόро¹². Много позднее, в печатном издании своего перевода, он указал, что принялся за свой труд после «изустного повеления» императрицы Елизаветы Петровны¹³. Такая расплывчатая формулировка многих не убеждала: высказывалось предположение, что это была личная инициатива самого Писарева¹⁴. Однако сохранившаяся в Библиотеке Академии наук рукопись 1743 г. имеет пространное посвящение императрице Елизавете Петровне с упоминанием ее августейшего «соизволения»¹⁵, и поэтому сомнения в реальности высочайшего заказа отпадают.

Стефан Писарев отличался высоким профессионализмом. Даровитый студент московской Славяно-греко-латинской академии, он еще до ее окончания, в 1725 г., был включен графом С. Л. Владиславичем-Рагузинским в важнейшую дипломатическую миссию в Китай. По сути дела, он становится канцеляристом при русском посольстве в Пекине и вместе с ним возвращается в 1728 г. в Россию. Сначала Писарев преподает греческий язык в родной Славяно-греко-латинской академии, а в 1731 г. переезжает в Петербург и поступает на службу чиновником в Коллегию иностранных дел, поднимаясь по служебной лестнице до чина статского советника и посвящая свой досуг переводам – преимущественно с итальянского и греческого¹⁶.

Итак, в 1743 г. Елизавета Петровна получает, спустя всего семь лет после выхода оригинала, профессионально подготовленный перевод жизнеописания ее знаменитого отца с длинным, но весьма исчерпывающим названием: «Житие Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Отца Отечества, собранное из разных Книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Италианском, а потом и на Греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев».

Однако публикации перевода пришлось ждать тридцать лет: он вышел уже в правление Екатерины II, причем за собственный счет уже вконец отчаявшегося переводчика.

Причины такой впечатляющей задержки неизвестны. Высказывалось предположение, что в правительственных кругах по получении рукописи Писарева вызрело решение иметь трактат какого-то более престижного западного автора, каковым в итоге, спустя годы, стал

¹¹ То есть самодержец, однако не «император», как в итальянском. Впрочем, сам титул включал оба слова: «Император и Самодержец Всероссийский».

¹² Не исключено, что в русских дипломатических кругах знали о геополитической ориентации автора: он выпускал популярный в Европе ежегодный альманах «La storia dell' anno» («История года»), с обзором важнейших событий в разных странах, и в альманахе за 1741 г. в хвалебных тонах описал восшествие на престол Елизаветы Петровны.

¹³ [Катифор, Антоний.] Житие Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Отца Отечества, собранное из разных Книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Италианском, а потом и на Греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772 («К читателю», без пагинации).

¹⁴ Пеитич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 203.

¹⁵ Буш В. В. «Житие Петра Великого» Стефана Писарева // Журнал Министерства Народного просвещения. Новая серия. Ч. LIX, окт. 1915. С. 289–291. При этом заметим, что между «соизволением» царицы, т. е. пожеланием, и ее «повелением» разница все-таки есть.

¹⁶ Обзор его творчества см.: Николаев С. И. Писарев Стефан // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб.: Наука, 1999. С. 437–438.

Вольтер¹⁷. Сам переводчик в напечатанной книге в 1772 г. невинно обвиняет, спустя тридцать лет, неких «недоброхотов». Кто же эти «недоброхоты»? Нельзя исключить, что ими были еще жившие в те годы современники Петра, как-то нелицеприятно упомянутые (или, наоборот, забытые) в книге Катиφόро.

Нельзя сказать, что дело пропало втуне: на Руси стали широко циркулировать рукописные варианты «Жития Петра Великого». Сохранившихся списков много: сегодня их насчитывают в Российской национальной библиотеке – более 35, в Библиотеке Академии наук – более 20, в Российской государственной библиотеке – более 10 экземпляров и т. д. Биография монарха «заслуженно приобрела широкую популярность. Это объяснялось интересом к личности великого государственного деятеля, ясностью и простотой авторского изложения, мастерством переводчика»¹⁸. В итоге трактат «*Vita di Pietro il Grande*» в русском переводе лег в основу многих рукописных компиляций Елизаветинской эпохи: заинтересованные люди не только его переписывали, но и добавляли свои предисловия, новые фрагменты, комментарии. Можно с уверенностью говорить, вслед за исследователем С. Л. Пештичем, о серьезном «влиянии произведения Катиφόро на развитие русской исторической мысли»¹⁹. Любопытно, что даже после выхода «Жития...» из печати его продолжали переписывать от руки. Русским переводом трактата широко пользовался И. И. Голиков в своих «Деяниях Петра Великого» (правда, он со временем разочаровался в работах иностранных авторов). Эту книгу имел в своей библиотеке и Пушкин: когда он собирал материал для своей незавершенной «Истории Петра I», то добросовестно, четырежды, указал источник («по свидетельству Катифора») – точно так же, когда в «Медном всаднике» поэт в уста Петра вкладывал метафору об «окне в Европу», он указал ее автора – Альгаротти.

Каким же образом книга «*Vita di Pietro il Grande*» попала в Петербург, кто первым обратил на нее свое внимание? Вероятно, ее – в итальянском или греческом варианте – мог приобрести выходец с Балкан граф С. Л. Владиславич-Рагузинский, собравший богатейшую библиотеку. (После его кончины в 1738 г. Писарев получил по завещанию часть библиотеки своего патрона.)

Венецианскую книгу мог знать и ценить другой представитель высоких кругов – Семен Кириллович Нарышкин, которому Писарев посвящает один из своих переводов греческой духовной литературы. Хотя это посвящение относится к позднему периоду (1773 г.), высказывается убедительное предположение, что два ровесника – эрудированный аристократ-эллинофил и культурный чиновник при дипломатическом ведомстве – уже общались в Петербурге в 1730-х гг.²⁰ При этом Нарышкин, как известно, имел весьма близкие отношения с Елизаветой Петровной: сразу по ее восшествии на престол он начинает блестящую дипломатическую карьеру.

Нельзя исключить и некую роль князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, тоже дипломата-эллинофила и тоже ровесника Писарева, хотя сведений об их возможном знакомстве нет.

В любом случае представляется, что именно в кругу этих молодых «русских европейцев» (в момент восхождения Елизаветы на престол им чуть более 30 лет) с их связями на Западе (при особом внимании к средиземноморским и греческим делам) и осуществился

¹⁷ См.: Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом / Подгот. текста к публ. М. В. Ковалева и А. Е. Кулакова. СПб.: Нестор-История, 2021.

¹⁸ Пештич С. Л. Указ. соч. С. 203.

¹⁹ Там же. С. 204.

²⁰ Об этом см.: Кагарлицкий Ю. В. К вопросу об издании переводных религиозных книг в России XVIII века: переводы Стефана Писарева и их издательская судьба // Век Просвещения. Вып. II. Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения. Кн. 1. М., 2008. С. 470–497.

выбор венецианской книги в качестве первой биографии Петра на русском и ими же было сформировано благожелательное мнение только что воцарившейся императрицы²¹.

Писарев с энтузиазмом берется за «Житие Петра Великого». Давно замечено, что его труд – это больше, чем простой перевод. Исследователь этого текста пишет: «Сравнивая рукописи русского „Жития“ с итальянским оригиналом и с русскими печатными изданиями, я пришел к выводу, что „Житие“ – не простой перевод *sine ira et studio*²², а до некоторой степени переделка, приноровленная к потребностям и взглядам русского читателя XVIII века»²³, поясняя далее: «Такая „переделка“ вместо перевода книги сама по себе ничего оригинального не содержит – <...> такие „переделки“ были широко распространены»²⁴.

Автор этих строк, взявшийся, вслед за Писаревым, за перевод венецианской биографии Петра, с таким форсированным выводом согласиться не может: все-таки это была не «переделка», а верный добросовестный перевод, с некоторыми (редкими) изъятиями и дополнениями. Пользуясь своими знакомствами и положением при дипломатическом ведомстве, Писарев порой подключает документы (всегда с указанием источников), уточняет, комментирует. Он приспособливает терминологию Катиоро к отечественной, исправляет личные имена, топонимы, чины и звания, в которых венецианский автор иногда путался, но никаким «приноровлением к потребностям и взглядам русского читателя» Елизаветинской эпохи Писарев не занимался.

Приведем некоторые замеченные нами отличия оригинала от перевода.

Катиоро в местах с церковным дискурсом для паствы Русской православной церкви употребляет западный, католический термин «рутены», а саму Церковь именует «Церковью Рутении», так как в католическом обиходе долго использовалось латинское обозначение Руси – *Ruthenia*. Стефан Писарев везде переводит «рутенов» как «россияне», и, соответственно, Церковь Рутении – Российская. Иллирийцев, как тогда в Италии именовали балканских славян, входивших в юрисдикцию римских пап, переводчик обозначает просто как «славян». Императора Священной Римской империи Писарев титурует «цесарем Римским», а его подданных – «цесарцами», как это было принято в Московии. Катиоро часто использует звание «маршал», которого тогда в русской армии не было, и Писарев иногда по смыслу переводит это как «вождь», а иногда уточняет звание – для Б. Н. Шереметева, называя его «фельдмаршал». Вице-канцлер П. П. Шафиров у Писарева становится «подканцлером», атаман Мазепа – «гетманом». В одном рассказе про казаков он добавляет «запорожские». Там, где Катиоро говорит о подмосковном «замке» Петра, Писарев ставит топоним – Преображенское; *Livonia* он переводит как «Лифляндия» и т. п., в целом точно подыскивая русские географические названия.

Ряд хронологических неточностей Катиоро, неизбежных при таком обширном труде в ту эпоху, Писарев исправляет: например, в одном месте, где описываются европейские войны с Османской империей, 1686 год он меняет на 1688-й; в других случаях просто деликатно опускает ошибочные даты. К примеру, Второй Крымский поход венецианец отнес к 1688 г., а не к 1689, и Писарев ставит – «следующий Крымский поход», без даты, и т. д.

Он опустил поверхностную справку Катиоро об утверждении патриаршества на Руси, избыточную для русского читателя. Радикальную правку он вносит в цифру погибших при строительстве Петербурга – у Катиоро, внесшего свою лепту в миф города на костях, – 200 тыс., у Писарева – 20 тыс., в десять (!) раз меньше.

²¹ В. В. Буш, убедительно предполагая, что Елизавета Петровна вряд ли сама могла указать на книгу Катиоро, категорично заявляет, что «выбор был предоставлен Писареву»; см.: *Буш В. В.* Указ. соч. С. 268. Однако думается, что в таком ответственном деле участвовали более высокопоставленные лица, нежели молодой сенатский чиновник.

²² Без гнева и пристрастия (*лат.*).

²³ *Буш В. В.* Указ. соч. С. 263.

²⁴ Там же.

Особенно переводчик внимателен к сведениям о доме Романовых, что было вызвано желанием пройти цензурные запреты и понравиться императрице. В рассказе о первом царе из этой династии, Михаиле Федоровиче, вместо ошибочного определения его отца как «патриарха» он ставит «митрополит Ростовский». Он выпускает обстоятельный биографический рассказ о Екатерине I (включая сведения о ее низком происхождении), лапидарно поставив: «Сия есть достоудивная жена, которая, произшедши от рода Скавронских, знатного Лифляндского Шляхетства, достигла быть Самодержавною Императрицею Всероссийскою». Там, где Катиφόро ошибочно пишет, что царь Иоанн «оставил после себя только двух дочерей», он исправляет цифру – «трех дочерей», добавляя про неупомянутую дочь: «Меньшая Параскева Иоанновна в девицах скончалася»²⁵. В ряде случаев, когда венецианец преждевременно называет Петра императором, Писарев находит близкие определения – «царь», «государь», «самодержец»²⁶. Автор часто называет своего героя, еще до официального присуждения титула, «Петром Великим», и переводчик, дабы избежать анахронизма, остроумно делает в таких случаях инверсию: «великий Петр». Фаворит Меншиков из «сына пироженика» у Писарева становится «сыном мельника» и т. п.

В ряде случаев Писарев дополняет сюжеты Катиφόро документами. Он вставляет в перевод грамоту к нидерландскому правительству (1697 г.): «Высокомочные Господа Генеральные Статы достохвальных, превосходительных и вольных соединенных провинций!» и т. д. Описывая один из эпизодов Северной войны, имевший место в 1702 г., он вставил пространный текст «ведомости, присланной к великому Петру от генерала-фельдмаршала Шереметева». В описание 1705 г. включена «Ведомость о сем действии, присланная от вице-адмирала Крейса к генералу Роману Брюсу», а в сюжете об одном дипломатическом инциденте с Англией в 1708 г. – пространный текст «речи, говоренной Посланником [Чарльзом Уитвортом]», а также «ответ от великого Петра оному Посланнику данный».

Уже после кончины Елизаветы, при Екатерине II, готовя рукопись к печати, он прорабатывает свежую русскую историографию и в своих комментариях ссылается на эти более поздние источники – «В *Летописце* г. Ломоносова²⁷» и «В российской истории, называемой *Ядро*²⁸».

Однако все эти случаи лишь показывают профессионализм переводчика и его прекрасное знание предмета. Он никогда не меняет ни оценки, ни структуру оригинала. Вопреки выводу В. В. Буша о «переделке» Писарева, представляется, что тот и не мог пойти на отсебятину: в конце концов, он сформировался на канцелярской работе в Коллегии иностранных дел, занимаясь переводами официальных документов, и отдавал себе отчет в важности следования документу.

В целом обстоятельная статья В. В. Буша, посвященная труду Писарева, страдает серьезным изъяном: исследователь посчитал предупреждение переводчика о том, что он переводил венецианский трактат не с итальянского, а с греческого, «выдумкой», характерной для «литературных нравов XVIII века» и понадобившейся Писареву для ублажения цензоров. Полагая, что греческого перевода книги Катиφόро вообще нет, Буш тщательно сравнивал русский текст с итальянским, а не с греческим, придя в итоге к необоснованному выводу о «переделке»²⁹. Особенно дурную услугу эта его ошибка оказала в части, посвященной делу царевича Алек-

²⁵ Хотя и это ошибка: после смерти матери Параскева Иоанновна тайно вышла замуж за генерала и сенатора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова; см.: *Сукина Л. Б.* Первые Романовы: Жажда власти и любви. СПб.: Питер, 2007. С. 164–165, 378.

²⁶ Следует отметить, что сам Катиφόро употреблял два слова: архаичное *Imperador* (*Imperadore*) и *Imperatore*, причем первое, архаичное, более близкое к латыни, он ставил исключительно в случаях официального титулования «император», а второе – в широком смысле (самодержец, государь и т. п.).

²⁷ *Ломоносов М. В.* Краткий российский летописец с родословием. М., 1760.

²⁸ *Хилков А. Я.* Ядро российской истории. М., 1770.

²⁹ В. В. Буш был введен в это заблуждение существованием другой греческой книги о Петре Великом, удивительным образом вышедшей в той же Венеции, в том же 1737 г. (что и перевод книги Катиφόро), – книги другого венецианско-греческого автора Афанасия Скъяды «Происхождение, характер, опасности и свершения Петра I, Отца Отечества, Всероссийского Самодержца».

сея: Буш составляет перечень корреспонденции между Петром и царевичем, которая отсутствует у Катиоро, но наличествует у Писарева. Это позволяло последующим исследователям думать, что переводчик якобы имел доступ к делу царевича и активно им пользовался. См., к примеру, такое утверждение: «Писарев значительно дополнил книгу Катиоро фактами и документами, в частности материалами по „делу царевича Алексея“»³⁰. В действительности он просто переводил греческий текст, который в этой части был намного пространнее, чем итальянский (что, заметим, указывает на деятельное участие Катиоро в подготовке греческой версии своего труда)

После выхода первого русского перевода книги Катиоро прошло два с половиной столетия, и отечественному читателю, как мы полагаем, пришла пора вновь открыть для себя это интереснейшее жизнеописание Петра I, составленное просвещенным европейским автором.

Опубликованное впервые в 1736 г., оно впоследствии не раз переиздавалось, при этом если самые первые переиздания повторяли первоначальный текст, то в 1748 г. вышла дополненная публикация, куда автор добавил несколько первоначально отсутствовавших фрагментов, в частности – пространное, с богословским уклоном, описание встречи монарха с сорбонскими теологами и порожденные этой встречей документы: очевидно, что автор, православный священник, живший в католическом окружении, с годами стал более чувствительным к проблеме расхождения Западной и Восточной Церквей. Взяв за основу именно это итальянское издание, при нашей работе мы сверялись как с греческим переводом (1737), так и с русским переводом Писарева, о котором мы подробно написали выше. Это существенно помогло прояснить ряд пассажей автора.

Немалую трудность представляли искажения в русской ономастике, характерные и до сих пор для западной славистики. Преодолев соблазн оставить все имена собственные, как их написал Катиоро, мы все-таки предпочли дать правильную форму, сопровождаемую авторским написанием на латинице, в квадратных скобках. Мы также решили не архаизировать русский язык «под Осмнадцатый век», хотя такое искушение (особенно при наличии текста предшественника) существовало. Уверены, что труд венецианского историографа может органично войти в современную петровскую библиотеку.

Михаил Талалай

³⁰ Николаев С. И. Указ. соч. С. 437.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Новый перевод биографической книги о Петре Первом, написанной в Венеции Антонио Катиоро в 1735–1736 гг., естественно, нуждался в точных и подробных комментариях, работа над которыми, пожалуй, оказалась не менее трудоемкой, чем собственно перевод: комментаторам было необходимо параллельно с венецианским автором восстанавливать перипетии Петровской эпохи.

При составлении комментариев мы пользовались следующими приоритетами: 1) дать справки по персоналиям; 2) указать вымысел (подчеркнем, что вымысел не авторский – Катиоро лишь пользовался доступными ему источниками); 3) дать оценку тем сведениям, по которым у читателя могут возникнуть ошибочные представления.

Теперь перед отечественным читателем – по сути дела – две книги: одна – это собственно переведенный текст Катиоро, другая – обширный корпус наших комментариев. Представляется, что они играют роль не только уточнений и исправлений – внимательный читатель получит возможность сравнить представления о Петре той дальней эпохи, включая легендарные и мифопоэтические, с современными историческими знаниями. Образ Петра при этом приобретает интересные многомерные координаты – мы видим его одновременно из XVIII в. и из XXI.

Казалось бы, петровская биография Катиоро уже давно преодолена новой литературой. Зачем же мы взялись за ее новое издание?

Во-первых, нами двигало убеждение, что книгу «*Vita di Pietro il Grande*» можно смело отнести к литературным памятникам – по ее высоким художественным качествам, по удавшемуся намерению автора включить свой текст в высокий жанр жизнеописаний великих людей. Однако свежее обращение к итальянскому трактату представляется важным не только с литературной, но и с *историографической* точки зрения. Напомним, что сам автор в России не бывал и с самим монархом не встречался (хотя, вне сомнения, виделся с петровскими эмиссарами в Венецианской республике), с архивными документами не работал, поэтому его труд следует считать компилятивным. Однако метод компиляции в ту эпоху являлся более чем приемлемым, требуя от «компиляторов» высокой компетенции: в самом деле, Катиоро был полиглотом (итальянский, греческий, французский, латинский, голландский, английский) с большими связями с европейскими гуманитариями и с великолепной базой в качестве венецианской Библиотеки св. Марка, куда стекались свежайшие публикации. Автор честно ставит прямо в названии книги указание на французские и голландские записки. Его книга – чуть ли не первая в европейской историографии, еще не получившей в тот момент цельного жизнеописания императора. Она, думается, как раз и интересна своей аналитичностью, тенденцией, «образом Петра».

Во-вторых, трактат Катиоро можно считать неким рубежом в петровской историографии. Прежде западные сочинения о Петре выходили или еще при его жизни, или сразу же после кончины монарха. Это были тоже компиляции, тоже с широким использованием периодики, как газетной, так и журнальной, реже – с привлечением архивных документов, и, что было характерно для того периода, с личными впечатлениями от встреч авторов с Петром или от их пребывания в России (упомянем, к примеру, тексты Перри и Вебера). Не было недостатка и в политических памфлетах «на злобу дня», например по причине т. н. Северного кризиса 1716 г. Именно после книги Катиоро пришла пора собственно *исторических* сочинений о Петре самых разных жанров, вершиной которых для XVIII в. станет книга Вольтера (впервые появившаяся в печати в 1759–1763 гг.). Влияние Вольтера не ослабили и отечественное монументальное произведение Ивана Голикова – 12-томные «Деяния Петра Великого...», выходявшие в 1788–1789 гг., и 18-томные «Дополнения к Деяниям Петра Великого». Конечно, значение труда Катиоро значительно более скромное. И тем не менее он был достаточно известен

в культурной русской среде. Как уже указывалось, русский перевод «Vita di Pietro il Grande» успешно циркулировал в форме списков, а печатной книгой пользовались поколения читателей, включая того же Голикова и даже Пушкина.

В-третьих, высокопрофессионально подведя итоги петровского правления и изложив в литературной форме самые важные тексты о Петре того периода (и в прорусском ключе), Катиφόро дал нам прекрасную возможность увидеть то, что было известно в Европе о российском монархе и самой России к середине 1730-х гг.

В-четвертых, вновь познакомившись с этим текстом, мы лучше понимаем формирование исторических анекдотов о Петре, «запущенных» в отечественной культуре в конце XVIII в. (в первую очередь в книге А. А. Нартова): многие из них встречаются уже у Катиφόро и, следовательно, циркулировали уже до середины 1730-х гг. Однако «петровские анекдоты» нуждаются в более тщательной реконструкции, для которой не хватает переводов на русский язык ряда европейских сочинений 1710–1720-х гг. Надеемся, что публикуемый нами новый перевод венецианской книги станет импульсом для дальнейшей переводческой работы над текстами той эпохи.

И, наконец, последнее. В ходе подготовки комментариев и при консультациях с другими исследователями, в первую очередь с Е. В. Анисимовым как с ученым, на сегодня лучше, чем кто-либо, знающим петровскую историографию, стало понятно, что у Катиφόро есть описания событий, неизвестных по другим источникам. Часть из них, безусловно, является вымыслом либо самого венецианца, либо авторов, заметками которых он пользовался. Но вот часть описаний может восходить к свидетельским показаниям и другим текстам Петровской эпохи, вполне адекватно отражавшим сюжеты, позднее забытые. Некоторые из них отмечены в наших комментариях. Они требуют дополнительных исследований, и сочинение Катиφόро как раз дает такую возможность.

Приведенные нами в примечаниях сведения имеют библиографические ссылки, при этом использование общедоступной *справочной* литературы (в том числе интернет-энциклопедий), за редким исключением, не оговаривается.

При определении дат широко использовалась предоставленная Д. Ю. Гузевичу рукопись Е. В. Анисимова «Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672–1725», что также не оговаривается, и «Походные журналы (Юрналы) Петра Великого», что оговаривается не всегда.

Мы привлекли к комментированию ряд специалистов, примечания которых подписаны их именами: это А. М. Булатов, П. А. Аваков, В. В. Аристов, И. В. Кувшинская, М. А. Витухновская. Кроме того, мы обращались за консультациями к следующим нашим коллегам: Е. А. Андреева, А.-М. Канепа Мордаччи (А. М. Canepa Mordacci), М. О. Логунова, О. А. Красникова, Й.-П. Нильсен (J. P. Nielsen), В. В. Тевлина.

Фундаментальную помощь при переводе архаичного итальянского текста оказали специалисты по культурной истории Италии Ю. В. Иванова и П. В. Соколов.

Наша особая признательность – Е. В. Анисимову, который критически прочитал как перевод, так и комментарии и высказал ценные замечания, уточнения и дополнения, которые также отмечены его именем.

Дмитрий Гузевич,
Михаил Талалай

Антонио Катиоро

*Жизнь Петра Великого, Императора Российского: извлечения из
различных записок, опубликованных во Франции и в Голландии*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всякий, кто как следует поразмыслит о всеобщей истории мира, без труда обнаружит, что Небу угодно время от времени посылать на землю людей возвышенного и выдающегося духа, которые благодаря одной лишь от рождения им присущей проницательности ума достигли в благороднейших науках и искусствах столь великого совершенства, что для других людей сумели сделаться в избранной ими области образцом для подражания или предметом поклонения. Одним из таких счастливых был, без сомнения, ПЕТР Великий, император Российский, который, как кажется, явился в этот мир, чтобы стать в великом искусстве благого правления величайшим примером для преемников своих и дивом – в очах всего мира. Он уже в нежнейшую пору своей жизни выказал, что рожден на свет исключительно для того, чтобы даровать счастье подвластным ему народам, в чем и должна заключаться цель доброго правителя. Таков был сей бесподобный самодержец, который без помощи наставников, не читавши книг и не переступая порога школы политиков-царедворцев, но, напротив, будучи взращенным самым что ни на есть неподобающим образом, сумел из самого себя породить и счастливо осуществить великий замысел, состоявший в том, чтобы преобразовать свое государство, приобщить к цивилизации свои народы и облагородить нацию, до той поры пребывавшую в полном невежестве, если не сказать – варварстве. Государь, поистине заслуживающий восхищения, ибо он сумел произвести невероятные, но оттого не менее истинные метаморфозы у диких и неистовых животных и сделать их образованными и культурными людьми, камни превратить в города, болота – в оружейни, а леса – в академии. От природы наделенный в высшей степени проницательным умом, способным замышлять великие предприятия, беспримерным мужеством, необходимым, дабы претворять их в жизнь, и нерушимой твердостью духа, позволяющей доводить их до конца, Петр, несмотря на бесчисленные препятствия, которые подстерегали его на каждом шагу, расширил пределы своей и без того уже обширнейшей империи, вновь присоединив к ней провинции, долгое время бывшие под властью могущественнейших ее соседей. Он отыскал самое что ни на есть подходящее место для постройки великого города и сосредоточил в нем торговлю всего Севера, за несколько лет доведя число жилищ в нем до шестидесяти тысяч, а число жителей – до четырехсот тысяч³¹, хотя прежде на этом месте можно было видеть лишь горстку хижин убогих рыбаков. Он создал из ничего огромный флот и спустил на море до шестидесяти линейных кораблей³² и восьмисот галер³³, а кроме того – без числа малых кораблей, и превратил в отличных моряков насельников гор и лесов. Он установил в своих войсках дисциплину, достойную лучших образцов регулярных армий; основал в своем государстве академии всевозможных наук³⁴, особенно же морского дела³⁵; привел в

³¹ Цифры значительно завышены и превышают всё городское население страны на тот момент. К концу Петровской эпохи в Петербурге, по современным оценкам, насчитывалось около 6 тыс. дворов и около 40 тыс. жителей (1/8 всего городского населения России), в то время как официальная статистика давала на 1725 г. 25–30 тыс. жителей. К концу 1720-х гг. численность населения упала, однако в царствование Елизаветы Петровны, по официальной статистике, она достигла 74 тыс., и реальную цифру можно полагать в приблизительно 100 тыс. [Агеева, 1999, с. 95; Анисимов, 2004, с. 263–265; Мавродин, 1978, с. 106; *Очерки истории Ленинграда*, 1955, с. 102; и др.].

³² Катиоро весьма точен. Было построено или заложено ровно 60 линейных кораблей (20 – 50–54-пушечных, 21 – 58–66-пушечных, 6 – 70–74-пушечных, 9 – 80–84-пушечных, 4 – 90–100-пушечных). Однако в это число не вошли 18 купленных кораблей, 10 «малых» кораблей и 24 фрегата, а также ранние (плохого качества) корабли Азовского флота – 39 кумпанских и 2 галеаса. См.: [Чернышев, 1997–2002].

³³ Эта цифра соответствует действительности. Суда галерного типа, построенные до конца 1720-х гг. (т. е. в основном задуманные при Петре I и заложенные при Екатерине I), а также купленные и захваченные в тот период, имели следующую статистику: галеры, полугалеры, скампавен и бригантины – 612; галиоты (фактически большие галеры) – 26; шкуты (парусно-гребные, плоскодонные) – 116; забытая захваченная в 1695 г. турецкая галера – 1; итого: 755 судов, к которым следует добавить ряд мелких парусно-гребных судов. См.: [Чернышев, 1997–2002].

³⁴ Петербургская Академия наук (так ее имя закрепилось в истории) была создана в 1725 г., уже после смерти Петра, но по

порядок финансы по типу самых просвещенных монархий Европы; установил твердые законы для отправления правосудия; щедрым и обильным вознаграждением привлек в свое царство мастеров, особенно сведущих в искусствах и ремеслах и полезных для благоуукрашения города, и, что труднее всего, вывел свое духовенство из состояния непроходимого невежества, которым оно как будто гордилось, заставив служителей Церкви заняться науками и сделав их, почти против их собственной воли, учеными. Ревность его о вере простиралась так далеко, что он обратил в христианство жителей языческих провинций, убедив их сжечь идолов и принять христианство не мечом и насилием, но лишь словом ревностных проповедников³⁶. Одним словом, можно сказать, что он прославил свою нацию во всем мире, обессмертив память о себе в грядущих поколениях.

Ошибается тот, кто думает, что лишь седая древность может гордиться привилегией производить на свет великих людей. Дерзнем и мы повторить вслед за Тацитом его слова: *Non omnia apud priores meliora, sed nostra quoque aetas multa laudis imitanda posteris tulit*^{37 38}. В нашу эпоху холодный Север дал миру двух героев, достойных сравнения с теми великими мужами, которыми хвалится греческая и итальянская древность. Каждому ясно, что я говорю о Карле XII, короле Швеции, и Петре I, царе России. Карл, без сомнения, принадлежит к числу самых выдающихся из героев, какие родились на земле во многие века: в пору ранней юности он уже громил армии, покорял страны, отнимал и раздавал по своему произволу королевские венцы³⁹, усмирив Данию, подчинил себе Польшу, обложил данью Саксонию, навел ужас на кесаря⁴⁰ и князей Германии. Несмотря на всё сказанное, Петра Великого следует поставить выше Карла – это признают даже те историки, которые описывали деяния Карла^{41 42}. Карлу неоднократно удавалось с небольшим числом шведских солдат побеждать во много раз превосходящие его числом силы московитов, однако случалось это до тех пор, пока во главе их не стал Петр Великий, вдохнувший мужество в сердца своих воинов. Когда же этим двум полководцам случилось помериться силами⁴³, Петр не только вышел победителем, но и разгромил того, кто прежде в тысяче сражений ни разу не познал поражение.

Жизнеописание этого славного героя на итальянском наречии, с подобающей тщательностью извлеченное из сочинений английских, немецких и голландских авторов, описывающих его царствование, я и намереваюсь, читатель, представить твоему вниманию. Первое из таких сочинений, которое мне удалось обнаружить, вышло в Лондоне на английском языке под именем Джона Перри⁴⁴. Этот автор утверждает, что, будучи инженером, провел в Московии на царской службе двенадцать лет. Однако так как этот писатель жестоко поссорился с некоторыми министрами российского двора, то и повествование его не свободно от гнева и пристрастия. Нередко он не гнушается выдавать за истинные факты совершенно ложные измыш-

его указу от 28 янв. ст. ст. 1724 г., и называлась Академией наук и Художеств; с 1747 г., после принятия Устава, официально – Императорская Академия наук и Художеств в Санкт-Петербурге.

³⁵ Академия Морской гвардии, она же – Морская Академия в Санкт-Петербурге. Создана в октябре 1715 г.

³⁶ На эту тему см.: [Акимов, 2019; Он же, 2020].

³⁷ Tacit. Annal. 3. – Прим. автора. «Не всё было лучше у наших предшественников, кое-что похвальное и заслуживающее подражания потомков принес и наш век» (лат.) (Тацит. Анналы. Кн. 3, параграф 55).

³⁸ В современном издании см.: [Тацит, 1993, т. 1, с. 106].

³⁹ Имеется в виду Станислав Лещинский, избранный новым королем Речи Посполитой в 1704 г. по указанию Карла XII (оставался на престоле до 1709 г., когда Карл XII потерпел сокрушительное поражение под Полтавой).

⁴⁰ То есть императора Священной Римской империи германской нации.

⁴¹ Вольтер. Предисловие к «Истории Карла XII». – Прим. автора.

⁴² В русском переводе см.: [Вольтер, 1999, с. 7].

⁴³ Петр I и Карл XII лично командовали армиями в одном и том же сражении лишь один раз – 27 июня ст. ст. 1709 г. при Полтаве.

⁴⁴ Джон Перри (John Perry; у Катиφόро: Giovanni Perri; 1670–1732) был приглашен в Россию в 1698 г. как строитель доков и шлюзов; покинул русскую службу в 1715 г. В 1716 г. опубликовал в Лондоне книгу «The State of Russia Under the Present Czar» [Perry, 1716]; см. рус. пер.: [Перри, 1871].

ления, особенно в том, что касается религии и обычаев москвитов. Кроме того, написанная им история доходит лишь до 1715 года и не охватывает последних десяти лет жизни Петра. В Германии пять лет спустя появилось сочинение, посвященное этому же предмету. Автором его был немецкий дворянин: не объявляя своего имени, он сообщает лишь о том, что некоторое время прожил в Петербурге⁴⁵. Будучи протестантами⁴⁶, оба этих писателя не упускают случая оскорбить религию москвитов, особенно в тех вопросах, в которых Русская Церковь⁴⁷ согласна с Римской⁴⁸. К примеру, г-н Перри не стесняется утверждать, будто «единственное препятствие, не позволяющее подданным тартарам⁴⁹ Российской империи принять христианство, – это злонамеренность и невежество москвитов, сказывающиеся в почитании ими образов. И потому тартары не могли (пишет он на странице 172 парижского издания своего труда⁵⁰) без ужаса думать о том, чтобы принять подобную религию, ибо Бог в подлинном Его образе не может быть нарисован или представлен рукою человека»⁵¹. В этом же месте английский автор добавляет, что оные тартары, «по вере своей связанные с магометанами, обосновывают свои убеждения весьма разумными доводами, утверждая, что Бог – это предвечный Творец всего сущего, дающий людям жизнь и принимающий к Себе после смерти тех, кто прожил эту жизнь добродетельно». Неудивительно, что человек, который одобряет и хвалит подобные взгляды, диаметрально противоположные Евангелию, договаривается и до того, что «тартар он находит более искренними и честными, нежели москвитов». И уж вовсе непереносимой становится его самоуверенность, когда он берется утверждать, будто «если бы тартарам проповедали веру столь же чистую, как та, каковую исповедуют в Англии, и если бы им принесли ее служители столь же честной жизни, каковы англикане, то в нее удалось бы обратить не только тартар, но и самоедов и других варваров-язычников, населяющих крайние пределы Московии близ Северного полюса». Как если бы не было общеизвестно, что и образ жизни, и проповеди англиканского духовенства, по признаниям самих же писателей-англикан, не свободны от тех же пороков, которые они приписывают католическому и греческому клиру^{52 53}. Кроме того, г-н Перри забывает о том, что в его собственную эпоху русские миссионеры⁵⁴, без всякой помощи

⁴⁵ Речь идет о первом томе трехтомного сочинения ганноверского резидента в Петербурге в 1714–1719 гг. Фридриха-Христиана Вебера (Friedrich Christian Weber), написанного после его возвращения на родину: [Weber, 1721]. Рус. переводы: [Вебер, 1872; Он же, 2011].

⁴⁶ Дж. Перри принадлежал к англиканской церкви, Ф.-Х. Вебер – к лютеранской.

⁴⁷ В оригинале – Chiesa Rutena (Церковь Рутений), так как у католиков в церковном обиходе долго использовалось латинское обозначение Руси как *Ruthenia*.

⁴⁸ В самом деле, парадоксальным образом, Православная Церковь значительно ближе к Римско-католической Церкви, чем к протестантским конфессиям, как в сферах обрядности, церковного искусства, этики труда и быта, так и в сфере подчинения Церкви государству.

⁴⁹ До середины XVIII в. земли восточнее и, отчасти, южнее европейской части России (фактически вся Сибирь, Северное Причерноморье и Крым) в Европе именовались Тартарией (в том числе Малой и Европейской Тартарией для Крыма, Приазовья и Северного Причерноморья, Буджакской Тартарией у западного берега Черного моря), а ее жители, соответственно, «тартарами». Это – термины той эпохи, однако последний этноним несводим к понятию «татары». Поэтому везде в переводе оставлено «Тартария» и «тартары» соответственно, а в комментариях использованы современные этнонимы.

⁵⁰ Катиоро, скорее всего, пользовался французским переводом сочинения Ф.-Х. Вебера: [Weber, 1725].

⁵¹ Речь идет о запрещении в мусульманстве изображать человеческие образы и, вообще, живых существ. (Здесь и далее в кавычках мы ставим тексты, которые у Катиоро выделены курсивом, употребляемым им в случае заимствований; при этом по большей части, в духе времени, он не указывает источники этих своих «извлечений».)

⁵² См. книгу под названием «Вольные мысли о вере» («Pensieri liberi sopra la Religione») и в разных статьях «Английской библиотеки» («Biblioteca Inglese»). – Прим. автора.

⁵³ Имеется в виду книга Бернарда де Мандевилля – англо-голландского литератора, потомка гугенотов, бежавших в Голландию (Bernard de Mandeville; 1670–1733) «Free Thoughts on Religion the Church and National Happiness» (1720), переизданная в 1723 и 1729 гг., а в 1722 г. опубликованная в итальянском переводе с названием «Liberi pensieri sulla religione, la chiesa e il felice stato della nazione» («Вольные мысли о вере, церкви и счастливом состоянии нации»); переиздана в 1985 г. [Mandeville, 1720; Idem, 1723–1729; Idem, 1985]. Катиоро дает неточное название и без указания имени ее автора.

⁵⁴ В оригинале – *рутенские* миссионеры, церковно-латинский термин.

англиканских служителей, обратили в веру Христову многие тысячи идолопоклонников, как нам позволит увидеть в дальнейшем наша история.

В 1725 году в Амстердаме были изданы в четырех томах записки под именем барона Ивана Нестесурано, московского дворянина⁵⁵. Кем бы ни был этот писатель, он явным образом предпочитает протестантское вероучение католическому⁵⁶, и нередко сам он демонстрирует малодушие и маловерие по отношению к самым основаниям христианства, даже в простых его истинах. Вот что он пишет, рассказывая о древнейших страницах истории московитов в самом начале своей книги: «Если правда, что разделение мира между теми, кому предстояло населять его и в нем жить, совершилось на равнине Сенаар⁵⁷, то представляется весьма вероятным, что северные страны оказались заселены довольно поздно. Более того: заселены они оказались лишь из-за того, что других земель не хватало, ведь сама жизнь там несет в себе множество неудобств». Немного ниже он добавляет: «Нельзя ли предположить, что раса их была спасена от вод потопа, который, по-видимому, не затронул северные страны, особенно если принять в расчет, сколь отличаются от прочих людей живущие там самоеды⁵⁸, зыряне [Zembliani]⁵⁹ и лопари [Laroni]⁶⁰?» Кому не очевидно, что подобное может говорить только человек, который ни во что не ставит авторитет Священного Писания, которое не оставляет сомнения в том, что разделение народов произошло именно на равнине Сенаара и что в водах потопа погибли все народы земли, ибо воды сии достигли вершин самых высоких гор?⁶¹ ⁶² *Opertique sunt omnes Montes excelsi sub universo Coelo*⁶³ ⁶⁴.

После того как писатель этот показывает, как низко он ценит Писание, он не упускает ни единого повода, чтобы пренебрежительно отозваться и о Святой Церкви, глумясь и насмехаясь над таинствами, обрядами, священниками и иноками, епископами и патриархами, кардиналами и понтификами. Особенно же изостряется его ядовитый язык против почтенного Общества Иисуса, утверждая, что «отцы-иезуиты не желают называться монахами, потому что лишены их добродетелей, хотя и наделены всеми их пороками», что те «удивительным образом умеют проникать всюду, где надеются найти какую-нибудь корысть» и что они «способны разжечь великие усобицы в любом государстве, вследствие чего всякий благочестивый и благоразумный человек должен их чураться».

Так как вышеописанные книги наполнены подобного рода дерзкими и возмутительными положениями, нам кажется непозволительным и недопустимым предложить вниманию католического читателя⁶⁵ просто их перевод, как это делалось до сих пор с другими, в высшей степени полезными трудами. Кроме того, оные записки занимают семь томов, и изложение там

⁵⁵ Книга «*Mémoires du règne de Pierre le Grand...*» [*Nestesuranoi, 1725–1726*], опубликованная в Голландии в 1726 г. автором под псевдонимом Iwan Nestesuranoi (у Катиоро: Giovanni Nestesurano), в действительности была написана Жаном Руссе-де-Мисси (Jean Rousset de Missy; 1686–1762), французским литератором, основателем первой масонской ложи Амстердама, ставшим позднее, в 1737 г., иностранным членом Петербургской Академии наук.

⁵⁶ В оригинале «*dottrine cattoliche*»: Катиоро было свойственно обыгрывать греческий термин «кафолический», т. е. соборный – применительно как к собственно Католической Церкви, так и к Церкви Православной («кафолической»), тем самым сближая две конфессии.

⁵⁷ Сенаар, также Шинар – упоминаемая в Ветхом Завете местность в Месопотамии, часто отождествляемая с Вавилонией.

⁵⁸ Самоеды – общее название северных народов России (ненцев, энцев, селькупов и др.), говорящих на языках самодийской группы, близкой к финно-угорской, и вместе с ней составляющих уральскую языковую семью.

⁵⁹ Коми-зыряне, финно-угорский народ, проживающий на северо-востоке европейской части Российской Федерации.

⁶⁰ Саамы, лапландцы – финно-угорский народ, проживающий на севере России и Финляндии.

⁶¹ Быт. 11:9. – *Прим. автора.*

⁶² Автор имеет в виду библейский пассаж «Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Синодальный пер. Библии).

⁶³ Быт. 7:19. – *Прим. автора.*

⁶⁴ Ср. Синодальный пер. Библии: «Покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом».

⁶⁵ Здесь также под термином «католический» Катиоро подразумевает и «кафолический», применимый к православию.

ведется слишком пространно – в форме, чаще употребляемой в газетах и меркуриях⁶⁶, чем в исторических сочинениях, что могло бы вызвать у читателя лишь скуку. Поэтому я и удовольствовался тем, что аккуратно извлек из этих трудов сам рассказ о деяниях Петра, добавив к нему лишь краткие примечания, не лишенные интереса, извлеченные мною из других источников, а также время от времени приводя, ради удовольствия ученого читателя, краткие размышления, опирающиеся в большинстве своем на те или иные глубокомысленные изречения наиболее авторитетных авторов.

⁶⁶ Меркурий, здесь – периодический вестник, то же, что и газета.

КНИГА ПЕРВАЯ

Описание местоположения и климата Московии. Обращение москвитов в христианскую веру. Краткое известие о князьях, правивших там до пресечения фамилии Рюрика. Известная трагедия Лже-Димитриев. Восшествие на престол фамилии Романовых, третьим представителем которой был Петр Великий. Бунт стрельцов в период его малолетства. Козни, которые строили против него стрелецкий глава и царица Софья, его сестра.

Московия в собственном смысле слова – это одна из многих провинций, образующих Российскую империю⁶⁷, а именно та из них, которую омывает Москва-река, давшая имя городу – столице этой губернии и всей монархии. Впрочем, обыкновенно под именем Московии разумеют всю ту часть страны, которая находится под властью царя: область эта именуется также Белой Россией – из-за того, что большую часть года ее покрывает снег, и Великой Россией⁶⁸ – по причине величины ее территории, ибо она – самая большая в Европе. Достаточно сказать, что она, как утверждают географы⁶⁹, простирается с севера⁷⁰ на юг от пятидесятого⁷¹ градуса до семидесятого⁷², а с запада на восток до девяносто второго, т. е. до крайних пределов Европы⁷³,

⁶⁷ Катиоро близок к истине. Топоним «Московия» без каких-либо натяжек применим к территории единого государства великокняжеского периода. Его территория изменялась с 18 200 кв. миль (135 908 кв. км) в 1462 г. до 37 200 кв. миль (277 790 кв. км) в 1535–1547 гг., когда страна стала Руским (так!) царством (другое официальное название – Государство Московское, способствовавшее тому, что в западных источниках топоним «Московия» продержался до начала XVIII в.). Территория Российской империи на 1725 г. – 280 тыс. кв. миль (2 090 890 кв. км), что в 15,4 раза больше территории единой Московской Руси на момент ее становления [Арсеньев, 1818, с. 6].

⁶⁸ Рассуждения автора о Белой и Великой России (Руси) – любопытный пример т. н. «народной этимологии». Первые грамоты с царским титулом, в который вошли слова «Бѣлая Росіа», датируются октябрём 1656 г. (после присоединения части земель Великого княжества Литовского) [Собрание государственных грамот..., 1826, № 3, с. 12].

⁶⁹ Чтобы понять, о каких географах может идти речь, посмотрим, чем мог пользоваться Катиоро. Комментарий сделан по нашей просьбе А. М. Булатовым. Гравированные географические карты, в современном понимании этого слова, начали издавать в городах Италии. Впервые – для новонайденного трактата II в. н. э. «Руководство по географии» Клавдия Птолемея (26 карт в Болонье в 1477 г.). Первое географическое изображение нашей страны – чертеж Московии составил по рассказам Димитрия Герасимова и выпустил в свет Паоло Джовио (Павел Йовий) в Риме в 1525 г. Сейчас известны два экземпляра этой ксилографии (ок. 45,5 × 32,5 см), хранящиеся в Москве (в РГАДА) [Старков, 1994] и в Венеции (в Библиотеке св. Марка) [Хотимский, 2020]. Первую географическую карту нашей страны «Moschovia nova tabvla» (13 × 17 см) выгравировал и выпустил Джакомо Гастальди в Венеции в 1548 г. [Кордт, 2013, № IV, с. 9/1]. К концу XVI в. число карт в «Руководстве по географии» Птолемея достигло 69 (издание Джироламо Рушелли, Венеция, 1598–1599). Географические атласы мира, подобные «Зрелищу круга земного» Абрахама Ортелиуса (Антверпен, 1570), в Италии стали издавать с 1690 г. (Джованни-Джакомо де Росси, Рим), перегравировывая карты, составленные географами французского короля.

⁷⁰ Явная ошибка Катиоро. Счет параллелям, начиная с первых карт Клавдия Птолемея (II в. н. э.), ведется от экватора (нулевой градус) к полюсу (девяностый градус). Если «от пятидесятой параллели до семидесятой», то простираение должно быть с юга на север. – Прим. А. М. Булатова.

⁷¹ Незадолго до создания этого произведения была издана первая карта, составленная в России. Западные и южные земли России были измерены и изображены на бумаге Георгом фон Менгеном и Яковом Вилимовичем Брюсом во время Второго Азовского похода 1696 г. Рукописный оригинал карты был вывезен царем Петром Алексеевичем в Амстердам, там выгравирован и отпечатан Яном Тессингом в 1699 г. В ее картуше вместо титульного текста помещено посвящение царю Петру Алексеевичу: «Invictissimo atque Augustissimo Imperatori. Serenissimo ac Potentissimo Principi Petro Alexiewiczio... dedicate et consecrate humilissimus Johannes Thesing, Amstelodamensis. Cum privilegio S. Tz. M.» (55,5 × 48,5 см). Вверху слева – «Ao. Christi. Nati. 1699» [Кордт, 2013, № XLI, с. 26/3–29/3]. На этой карте положение устья р. Дон (р. Танаис у Птолемея) впервые было показано не по мнениям древних – от 54°20' (по Птолемею) до 49°30' (Фредерик де Вит, ок. 1670), а по измерениям, произведенным во время нескольких военных походов [Лаврентьев, 1988]. Когда и кем именно производилось измерение географической широты устья р. Дон, автору данного примечания узнать не удалось. В результате измерения устье Дона оказалось на 54°20' с. ш., что отличается от современного на 10'. В России факт изменения широты не был отмечен историками ни в XVIII, ни в XX в. [Лебедев, 1950, с. 182–191], но в результате этого изменения все европейские карты России вскоре расширили изображение полосы земель между р. Окой и устьем р. Дон, где на карте де Вита располагались OGRAINA, DIKOIA POLE и TARTARIA PRZECOPENSIS, на примерно 250 км [Булатов, 2005]. Катиоро пишет, что географическая широта юга Московии находится на 50°, но не указывает источник, которым он пользовался. Поэтому нельзя понять, о каком положении южной границы Московии пишет автор, поскольку почти непрерывные войны с Османской империей в конце XVII – начале XVIII в. меняли эту границу несколько раз [Кудряшов, 1948, с. 147–156]. – Прим. А. М. Булатова.

⁷² На «Генеральной карте Российской империи» Ивана Кирилова 1734 г. самой северной точкой является северная око-

не считая тех областей, которыми московиты владеют в Азиатской Тартарии и которые простираются до сто десятого градуса⁷⁴. Таким образом, одна Российская империя по величине своей территории больше, чем Франция, Испания, Италия и Германия вкупе собранные.

Климат в Московии такой холодный, что на крайнем севере лед никогда не тает, вследствие чего земля там бесплодна. Иначе обстоит дело в тех областях, что расположены к югу: хотя снег и лежит там две трети года, во время трех или четырех летних месяцев поля полностью покрываются зеленой травой, которой хватает, чтобы прокормить скот на протяжении всего года. Земля там дает такой урожай зерна, что его хватает не только для удовлетворения нужд жителей, но остается еще и на продажу за границу, прежде всего голландцам, которые каждый год нагружают этим зерном до восьмисот кораблей: они признают, что для Голландии Московия является тем же, чем в иные времена была для великого града Рима Сицилия. Это необыкновенное плодородие исследователи природы приписывают тому же самому снегу, благодаря которому почва делается более плодородной: или потому, что снег задерживает в земле тепло, или потому, что содержащаяся в нем селитра обильно удобряет почву, или же потому, что сильные морозы уничтожают червей, которые, уцелей бы они, испортили бы посев.

Неудобство, происходящее от сильных морозов, природа восполняет московитам другими преимуществами. Обильный снег, выпадающий по зиме, замерзая, так утрамбовывает дороги, что по ним можно беспрепятственно путешествовать и перевозить товары из одного места в другое. Для этой цели московиты используют сани, или телеги без колес⁷⁵, которые с необыкновенной легкостью и быстротой тащат за собою лошади: они в этом краю малорос-

нечность Новой Земли (мыс Желания на современных картах), находящаяся на 77° с. ш. Этот мыс обогнул корабль шкипера Я. Хеймскера и штурмана В. Баренца во время третьего плавания голландцев в поисках Северо-Восточного прохода в августе 1596 г., а годом позже две лодки, построенные Perezimovavshimi голландцами, на пути их возвращения в Голландию [Beÿr, 2011, с. 66–68]. Голландские моряки называли мыс De hoeck van Begheerte. Он изображен и назван на карте «Tabula terrae Nouae Zemblae, in qua fretum sinusq Waigats... Authore Gerhardo de Weert» (17,5 × 24,3 см), которая была выпущена в свет в книге де Вейра на латинском языке в 1599 г. [Beÿr, 2011, с. 164–165]. В наше время на 70° с. ш. находится поселок Амдерма Югорского полуострова – последнее жилье перед Новой Землей. Длина части меридиана в 7° составляет 777 км. – Прим. А. М. Булатова.

⁷³ Восточная граница Европы по картам Птолемея (их издавали в Европе вместе с «новыми» картами до начала XVIII в.) начиналась в устье р. Танаис (р. Дон), доходила до истока реки в Рифейских горах и поворачивала прямо на север, заканчиваясь где-то в неведомой земле. Со временем ее смещали на восток. Ф. И. Страленберг (1676–1747), после возвращения из тринадцатилетнего плена в Швецию [Новлянская, 1966, с. 77, 86], и В. Н. Татищев (1686–1750) [Татищев, 1950, с. 114–115] предложили провести ее по хребту Уральских гор. В начале XIX в. ее проводили по р. Дон до Переволоки, после Царицына – по Волге до Камы, по Каме до Елабуги, откуда до Уральского хребта, далее по линии водораздела на север до берега Байдарской губы (Карский залив). – Прим. А. М. Булатова.

⁷⁴ В переводе С. Писарева здесь стоит следующее примечание: «В наказе Его Императорского Величества о составлении проекта нового уложения главы 2, в 8 статье показано, что Российского государства владения простираются на 32 степени широты и на 165 степеней долготы по земному кругу» [Катифор, 1788, с. 2]. Прим. А. М. Булатова: Собирая материалы об открываемой Сибири первым начал Николаас Витсен (1641–1717) в Амстердаме после возвращения из путешествия в Московию в 1664–1665 гг. К 1690 г. он составил и выпустил в свет свою первую карту «Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa Strekkende van Nova Zemla tot China... door Nicolaas Witsen. Anno 1687» (115 × 125 см на шести листах) [Булатов, 2013, с. 73], экземпляры которой разослал избранным, в том числе русским царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу [Андреев, 1960, с. 87–95]. В 1692 г. Витсен выпустил в свет книгу «Noorden Oost Tartaryen...»; русский перевод в трех томах был выпущен в Амстердаме в 2010 г. [Witsen, 2010]. Следующие карты, показывающие всю Россию от Петербурга до Камчатки, были выпущены в свет в 1726 г. в Амстердаме (анонимная, так называемая «карта пленных шведских офицеров») и в 1730 г. в Стокгольме Ф. И. Страленбергом. Все эти карты показывали восток Сибири по словесным описаниям, они были вычерчены без использования астрономических определений, и ими заканчивался фольклорный период в истории карт России. Поэтому принимать всерьез слова Катиφόро о 110-м меридиане не стоит. Первая карта, вычерченная на основании астрономических определений в Сибири и на Камчатке, была доставлена в Петербург в 1730 г. участниками Первой Камчатской экспедиции капитана Беринга. Впервые она была выгравирована и выпущена в свет в Париже в 1735 г.

⁷⁵ Начиная с гравюр первого издания «Записок о Московии» С. Герберштейна (Вена, 1549), на одной из которых изображено катание в санях, этот мотив часто использовался в оформлении старинных карт Московии. Вплоть до «Carte de Moscovie. Dressee par Guillaume De-l' Isle de l' Academie Royale des Sciences. A Son Excellence Monseigneur Andre Artemonides de Matueof, Ministre d' Etat de sa Majeste Csarienne L' Empereur des Russes... A Amsterdam, chez Iean Covens et Corneille Mortier. [1720-e]» (96,5 × 62,4 см на двух листах), самой популярной карты России в Европе первой половины XVIII в. – Прим. А. М. Булатова.

лые⁷⁶, но крепкие и выносливые. Люди, привычные тут к постоянному холоду, легко переносят трудности и лишения. Их темперамент становится столь крепким, что они частенько выбегают из горячей бани на лютый холод и не боятся такими разгоряченными нырять в ледяную воду какой-нибудь речки или лить себе на голову холодную воду, не заболевая после ни плевритом, ни катаром и не испытывая никакого из тех неудобств, которые в нашем климате непременно повлекло бы за собой такое поведение. Более того: многие, страдая от головной боли, особенно вызванной похмельем, ложатся на голую землю и, покрыв всё тело снегом, по прошествии нескольких часов встают совершенно здоровыми.

Московия особенно богата пенькой и льном. Кроме того, там в таком изобилии встречается мед, что им не только хватает его для собственных нужд, чтобы делать медовуху, но и для того, чтобы продавать в огромном количестве чужеземцам. Воск, который они собирают, представляет собой одну из самых доходных статей в их торговле. А торгуют они, помимо прочего, разного рода кожами, в том числе дублеными, шкурами морских коров⁷⁷, ворванью и льняным маслом, скипидаром, смолой, дегтем, парафином, тальком, вервием, корабельным лесом и деревом, пригодным для плотницкого дела. В лесах там водится множество медведей, волков, оленей, тигров⁷⁸, лис, куниц, соболей, горностаев и других редчайших зверей, шкуры которых приносят самый большой доход москвитам: каждый год в царскую казну от продажи их поступает больше миллиона золотых.

Многие толкователи Писания придерживаются мнения, что имя мосхов, или московитов, происходит от Мосоха, сына Иафета и внука Ноя^{79 80}, а имя россов, или руссов, – от Росса, которого пророк Иезекииль упоминает рядом с Мосохом и Тубалом^{81 82}, как мы можем прочесть у ученейшего Александра Маврокордата^{83 84}. Москвиты у географа Птолемея называются роксолянами, у Страбона – сакками, у Геродота, Диодора и других обыкновенно скифами. Поэтому всё то, что древние писатели сообщают о войнах, ведшихся народами Скифии, а равно и амазонками⁸⁵, может относиться к москвитам. Оставив в стороне всё то, что касается происхождения их государства, сведения о котором, как и у всех прочих народов, перемешаны с баснями, скажу только: все русские летописи согласны друг с другом в том, что в год от сотворения мира 6370, т. е., по константинопольскому летоисчислению, которому последуют и москвиты, от Рождества Христова 862, князь Рюрик [Rurich], унаследовав владения братьев своих, сделался единоличным правителем всего народа. Ему наследовал сын по имени Игорь, который, женившись на Ольге [Olla], знатной женщине из Пскова [Dama di Plescovv], не раз

⁷⁶ Русское коневодство в XVII в. находилось в большом упадке. Возрождать его для нужд армии, создавая конные заводы («кобыльи конюшни»), начал Петр I. Однако крупных лошадей почти не было. Их производство было налажено лишь при Анне Иоанновне с появлением в составе русской армии тяжелой кавалерии – с формированием на рубеже 1730 и 1731 гг. Конно-гвардейского (кирасирского) полка. Большую роль в развитии коннозаводского дела в России сыграл Э. И. Бирон.

⁷⁷ Тюленей.

⁷⁸ Вероятно, рыси (так перевел *Tigri* и С. Писарев [Катифор, 1788, с. 5]).

⁷⁹ Быт. 10:2. – Прим. автора.

⁸⁰ В Синодальном переводе Ветхого Завета *Mosoch* дается как Мешех.

⁸¹ Иез. 38. – Прим. автора.

⁸² В Синодальном переводе Ветхого Завета *Ros* дается как Рош.

⁸³ Maurocord. histor. sacra. lib. I. – Прим. автора. «Маврокордат, Церковная история. Кн. 1» (лат.).

⁸⁴ Александр Маврокордато, иначе Маврокордат и Маврокордатос (1641–1709) – греческий литератор-эрудит, философ, врач, автор исторических, грамматических, медицинских трактатов; обучался в Падуанском и Болонском университетах (кон. 1650-х – 1664); великий драгоман, жил в Константинополе.

⁸⁵ На некоторых гравированных картах начала XVIII в. земля амазонок показана: на карте Исбранта Идеса 1704 г. («Nova Tabula Imperii Russici ex omnium accuratissimis... multum emendavit Everardus Ysbrants Ides» (68 × 50,5 см)) на Северном Кавказе в верховьях Терека [Кордт, 2013, н° XXVI, с. 27/3–28/3], на карте Сарматии Филиппа Кловера («Sarmatia et Scythia. Russia et Tartaria Europaеа» (23 × 24,8 см)) севернее Танаиса. Несколько севернее того места, где Абрахам Ортелиус (1527–1598) поместил топоним *Amazonum* на своей исторической карте походов Александра Македонского 1595 г. «Alexandri Magni Macedonis expedition» (36,3 × 46 см) [Van den Broecke, 2011, № 222, p. 276]. – Прим. А. М. Булатова.

воевал с соседними народами. Победив их и подчинив своей власти, он прошел войной до Фракии, но на обратном пути был убит в засаде древлян [Dreuliani], народа, известного ныне под именем казаков [Cosacchi]⁸⁶.

Единственным сыном Игоря был Святослав [Svatoslao]. После смерти отца он был еще слишком юн, чтобы взойти на престол, поэтому вместо него стала править мать, Ольга, и правила она как великая государыня. Она сумела отомстить за смерть мужа, сделав древлян своими данниками. Посетив в 941 году от Рождества Христова Константинополь, она приняла христианскую веру, взяв в крещении имя Елена. Святослав же умер язычником и оставил власть двум своим законным сыновьям⁸⁷, незаконному же, Владимиру [Vlodimiro], оставил одну лишь Новгородскую землю [provincia di Novogorod]: этот Владимир по смерти братьев сделался единоличным правителем всей страны. В начале своего правления Владимир вел беспутную жизнь: помимо шести жен, он держал гарем из шестисот наложниц. Затем, однако, под влиянием матери, которая была в услужении у Ольги, он обратился в христианство, принял имя Василия и, женившись на сестре Василия, императора Востока, прожил с ней беспорочно двадцать три года. Именно он ввел на Руси христианство, пригласив из Константинополя монахов и священников. Те, искоренив язычество, распространили в этой стране Евангельскую весть и принесли в нее обряды Восточной Церкви. Владимир умер в 1005 году⁸⁸, и рутены⁸⁹ почитают его апостолом своего народа и празднуют его память 15 июля, а 11-го числа того же месяца они празднуют память княгини Ольги, иначе Елены.

В летописях московитов мы читаем, будто христианскую веру насадил в России св. апостол Андрей, но затем однако из-за постоянных набегов тартар народ постепенно оставил ее, и Владимир вновь восстановил ее в конце X века от Рождества Христова. Господин Несте-сураной, пусть он и составил записки о царе Петре, напечатанные в Голландии, пренебрежительно отзывается об обращении Владимира, которое описывает так: «Владимир был могуществен: этого было достаточно, чтобы к нему стеклась толпа священников, которые, доказывая ему необходимость ввести в стране свою религию, превозносили каждый догматы собственной секты и т. д.». Как будто бы обращение государя, которое должно повлечь за собой переход в христианство всего весьма многочисленного народа, следует приписывать не озарению с небес, а политическим интригам своекорыстных и честолюбивых священников. Клуверий⁹⁰, хотя он и протестант, преподносит это обращение как чудо. Он заимствует из «Истории» Кедрина⁹¹ следующий рассказ. Когда миссионеры прибыли в Россию проповедовать Евангелие, они среди прочего упомянули о том, что Христос неоднократно спасал Своих служителей из пламени. Русские, желая проверить их слова, решили подвергнуть такому испытанию Евангелие: епископ, бывший во главе оных ревностных миссионеров, с пылом испросил Небо о милости, и молитва его была услышана. Евангелие положили в пышущий жаром костер и держали его там, пока не сгорели все дрова, собранные для этой цели: книга же осталась невре-

⁸⁶ Смешаны биографии вел. князей Игоря Рюриковича (ок. 878–945), совершившего два похода на Царьград в 841–844 гг. и убитого древлянами в 845 г. при попытке взять слишком большую дань, и его сына Святослава Игоревича (между 920 и 942 – весна 972), убитого печенегам (не древлянами) на днепровских порогах при возвращении из похода в Болгарию (Фракию). Заметим, что древляне не являлись предками казаков (С. Писарев в своем переводе оставляет это утверждение Катиоро про древлян, добавив от себя уточнение про их потомков казаков: «запорожские» [Катиоро, 1788, с. 6]).

⁸⁷ Имеются в виду вел. кн. Ярополк (977–978) и кн. древлян Олег (977–977) Святославичи.

⁸⁸ Князь Владимир скончался в 1015 г.

⁸⁹ Здесь, как и в других местах с церковным дискурсом, автор называет рутенами паству Древнерусской (позднее Российской) Православной Церкви. С. Писарев везде переводит рутенов как «россияне».

⁹⁰ Филиппа Клувера, иначе Клуверия (Philipp Clüver; 1580–1622), в Европе XVIII в. считали основателем исторической географии. Современник Клувера Гуго Гроций писал, что Клувер хоть и одержим зудом критики, но читатель должен переносить это терпеливо, так как Клувер обвиняет в грубом невежестве и Цезаря, и Страбона, и других великих [Яцинский, 1955, с. 182–185]. – Прим. А. М. Булатова.

⁹¹ Георгий Кедрин (Γεώργιος Κεδρηνός) – византийский монах, историк конца XI в. или начала XII в., автор «Σύνοψις ἱστορίων» («Обозрение историй»).

димой, и русские, отбросив колебания, покорились благой вести Христовой. Память об этом чуде московиты хранили так бережно, что, когда паптер Поссевино⁹², прославленный теолог из Общества Иисуса (он был отправлен Папой Григорием XIII⁹³ послом к царю Ивану Васильевичу [Giovanni Basiloviz]⁹⁴), предложил этому Двору присоединиться к Католической Церкви, московиты не пожелали дать ему никакого другого ответа, кроме следующего: «Предки наши были идолопоклонниками: они не поверили Евангелию, пока не увидели, как оно осталось невредимым в пламени пышущего жаром костра. Испытайте и вы так же ваш катехизис, и если это вам удастся, мы все покоримся вашей проповеди». Разумный Поссевино почел за лучшее отказаться, сославшись на заповедь Писания: «Non tentabis Dominum Deum tuum»⁹⁵.

Ярослав [Jeroslao], сын Владимира, оставил пятерых сыновей⁹⁶, которые разделили между собой страну, однако Владимир II⁹⁷, рожденный от третьего из этих пяти, вновь объединил ее под своей властью. Он покрыл себя славой, сражаясь с венграми и булгарами, и ходил войной даже на Константинополь^{98 99}, но Константин Мономах, правивший в то время, сумел убедить его отступить от города богатыми дарами, которые преподнесли ему трое епископов: те, желая повысить ценность этих даров и польстить Владимиру, наделили его титулом царя, т. е. императора¹⁰⁰.

Сын Ярослава Всеволод [Vesevolode]¹⁰¹ оставил восьмерых наследников¹⁰², которые вновь разделили между собой власть и, погрязнув в гражданских усобицах, дали удобный случай тартарам завоевать Россию и обложить ее данью. Это продолжалось до тех пор, пока Василию Димитриевичу [Basilio Demetrovitz]¹⁰³ не удалось сокрушить их иго, изгнав их из Москвы, которую они прежде того захватили. Этот правитель жил в конце XIV века и, умирая, пожелал оставить власть над государством своему брату Григорию¹⁰⁴, лишив прав наследства своего сына, Василия Васильевича [Basilio Basilovitz], потому что подозревал его в том, что тот

⁹² Антонио Поссевино (1534–1611) – папский легат в Восточной Европе, первый иезуит, побывавший в Москве весной 1582 г. и оставивший сочинения о России [Поссевино, 1983]. Об иезуитах в Китае см.: [Избрант Идес, Бранд, 1967, с. 311–313]. О работе в Китае иезуитов Маттео Риччи, Фердинанда Вербиста, Мартино Мартини см.: [Tooley, 1987, p. 105–107; Redaelli, 2007]. – Прим. А. М. Булатова.

⁹³ Папа Григорий XIII (в миру Уго Бонкомпаньи; 1502–1585), на престоле с 1572 г. до своей смерти; внедрил календарь, названный его именем.

⁹⁴ Царь Иван IV Васильевич (1530–1584), прозванный Грозным.

⁹⁵ Матф. 4:7. – Прим. автора. «Не искушай Господа Бога твоего» (лат.).

⁹⁶ Сыновей у Ярослава Владимировича Мудрого (ок. 978–1054) было не пять, а шесть: Владимир (1020–1052), Изяслав (1024–1078), Святослав (1027–1076), Всеволод (1030–1093), Игорь (сер. 1030-х – 1060), Вячеслав (1036–1057).

⁹⁷ Князь Владимир Ярославич (1020–1052) был не внуком, а сыном Ярослава Мудрого.

⁹⁸ В 1045 г. – Прим. автора.

⁹⁹ В действительности поход Владимира произошел в 1043 г., мир с византийцами был подписан в 1046 г.; в переводе С. Писарева примечание с неточной датой опущено.

¹⁰⁰ Легендарное сведение. Восходит к мифологеме Мономаховых регалий, впервые сформулированной в Летописной редакции Чина поставления (посажения) на великокняжеский престол (на великое княжение) Дмитрия-внука (ок. 1518) и в цикле «Сказание о князьях владимирских» (ок. 1520). В самом деле, С. Писарев, следуя этим легендам, поставил тут следующее примечание: «Дары сии состояли в кресте Животворящего древа, цепи золотой, ожерелье и короне, которую нашивал Греческий император Константин Мономах; почему Владимир Всеволодович оное именование Мономаха на себя принял» [Катиφόро, 1788, с. 10]. Однако Катиφόро, похоже, путает Владимира Ярославича и его племянника Владимира Всеволодовича Мономаха (1053–1125), который действительно был внуком Ярослава Мудрого и, предположительно, сыном дочери византийского императора Константина IX Мономаха.

¹⁰¹ Великий князь Всеволод Ярославич (1030–1093).

¹⁰² Катиφόро путает Всеволода Ярославича, имевшего двух сыновей – Владимира Мономаха и Ростислава (1078–1093), и его внучатого племянника Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1154–1212), великого князя Владимирского, у которого действительно было восемь сыновей: Константин, Борис, Юрий, Ярослав, Владимир, Святослав, Глеб, Иван.

¹⁰³ Великий князь Василий Димитриевич (1371–1425), сын Дмитрия Донского.

¹⁰⁴ Ошибка: автор спутал имя Григория с Георгием – Юрием (это имя – Юрья – и ставит в своем переводе С. Писарев [Катиφόро, 1788, с. 10]): после кончины Василия Димитриевича именно его брат Юрий Димитриевич (1374–1434) стал претендовать на великокняжеский престол в пику племяннику, Василию Васильевичу (1415–1462), получившему позднее прозвище Темный (у автора ниже назван Слепым).

покусился на честь его супруги. Это решение вызвало разногласия. Бояре, знатнейшие люди царства, встали на сторону Василия против Григория, который защищал свою власть силой оружия. Однако, умирая, он объявил своим преемником племянника, несмотря на то что имел двух родных сыновей. Они не одобрили решения отца и выступили против своего двоюродного брата Василия: желая сделать его неспособным к правлению, они выкололи ему глаза. Бояре пришли в ужас от такой жестокости и вернули Василия в Москву, которой он правил до самой своей смерти под именем Слепого.

Иоанн [Giovanni]¹⁰⁵, сын его, стяжал себе прозвание Победоносца благодаря победам, одержанным им над тартарами, великим князем Литовским и шведским королем¹⁰⁶. Он женился вторым браком на Софье, дочери Фомы Палеолога, князя Мореи¹⁰⁷. Она родила ему сына, который и унаследовал власть в 1505 году от Рождества Христова под именем Василия Ивановича [Basilio Juanovitz]¹⁰⁸. Этот монарх добился больших успехов в борьбе с литовцами и поляками и стяжал такую славу, что в 1514 году Максимилиан I, император римлян, отправил к нему торжественное посольство, желая заключить с ним союз¹⁰⁹. В московском архиве по сей день хранится оригинал привезенного послом письма, в котором Максимилиан неоднократно¹¹⁰ именует государя России императором¹¹¹.

Иван Васильевич¹¹² в возрасте двенадцати лет¹¹³ унаследовал от отца власть и некоторое время правил под опекой матери. После ее смерти¹¹⁴ он, стремясь обратить к цивилизации подвластные ему народы и приобщить их к полезным для общества искусствам, отправил в 1548 году посольство к императору Карлу V, прося его прислать ему как можно больше знаменитых различных искусств, однако приехали лишь немногие. Он начал войну с тартарами и за два военных похода полностью отвоевал у них Казанское царство [Regno di Casan]. Сразу же вслед за тем он пошел войной на город Астрахань [Astracan] (важнейший коммерческий пункт для множества народов – тартар, монголов, китайцев, персов, армян, грузин, торговавших на Каспийском море), застал защитников врасплох¹¹⁵ и позволил солдатам¹¹⁶ разграбить город и взять богатую добычу¹¹⁷. Что же до магометан, бежавших от ярости победоносных врагов, то царь повелел тех из них, кто отказался принять крещение, утопить в реке¹¹⁸. Это было поистине жестокое деяние, совершенно не согласное с мягкосердечием, которое предписывает Евангелие Христово, однако оно было оправдано политической целесообразностью со ссылкой на следующий изощренный аргумент. Оставить магометан в качестве подданных на завоеванной территории означает превратить их в своих тайных недругов внутри страны; поз-

¹⁰⁵ Иван III Васильевич (1440–1505), великий князь Московский с 1462 г.

¹⁰⁶ Речь идет не о шведском короле, а о регенте Швеции, Стене Стуре-старшем (1440–1503), который подготовил освобождение Швеции от унии с Данией и восстановление шведской государственности.

¹⁰⁷ Софья, она же Зоя, Палеолог (ок. 1455–1503) – великая княгиня Московская, вторая жена Ивана III Васильевича. Ее отец, Фома Палеолог, был братом последнего императора Византии Константина XI и деспотом Мореи (полуостров Пелопоннес).

¹⁰⁸ Василий III Иванович (1479–1533), государь и великий князь Московский.

¹⁰⁹ Союз предполагался против Польши.

¹¹⁰ Только один раз в титуле, открывающем грамоту.

¹¹¹ Грамота Максимилиана I, титулующая Василия III императором (точнее, кайзером, ибо грамота – на немецком языке), была опубликована Петром I в 1718 г. в качестве обоснования его личных прав на императорский титул.

¹¹² Уже упомянутый выше Иван IV Васильевич (Грозный).

¹¹³ В возрасте трех лет.

¹¹⁴ Мать, великая княгиня Елена Глинская (ок. 1508–1538), умерла (видимо, была отравлена), когда сыну было семь лет.

¹¹⁵ При приближении казаков астраханцы бежали, и казаки вошли в пустой город без боя.

¹¹⁶ Это были не солдаты, а казаки и стрельцы.

¹¹⁷ Казанское ханство было покорено в 1552 г., а Астраханское (со столицей в Хаджи-Тархане, или Аждархан, в 12 км от современной Астрахани), – в 1556 г.

¹¹⁸ Явная контаминация с экзекуцией полоцких евреев, описанная дальше (и опущенная в переводе С. Писарева). Ни о каких массовых казнях при взятии Астрахани источники не говорят.

волить им перебраться в другие магометанские земли означает увеличить число явных врагов за границей¹¹⁹. Эти доводы не имеют силы применительно к иудеям, так как у них нет собственного царства, однако, несмотря на это, подобные меры против них применил царь Иоанн, когда несколько лет спустя, захватив Полоцк [Polocz], приказал утопить в реке всех евреев, отказавшихся креститься¹²⁰. Чернь обыкновенно восхищается такими чрезмерными проявлениями ревности и одобряет их, хотя св. Павел и говорит, что они совершаются по неразумию, не *secundum scientiam*^{121 122}. Селим, Великий султан, отправил войско числом в триста тысяч турок, которое перекопские тартары усилили сорока тысячами лучников, дабы отобрать Астрахань у московитов. Однако неверные потерпели унижительное поражение. Сигизмунд, король Польский¹²³, разгневавшись на царя Иоанна из-за взятия Полоцка, причинил ему множество бедствий, побудив тартар вновь обрушиться на Россию с таким неистовством, что они дошли до самой Москвы и сожгли ее на две трети. Стефан Баторий¹²⁴, преемник Сигизмунда, продолжил эту вражду: он отобрал у московитов Полоцк и другие территории. Иоанн не смог противостоять столь яростному натиску и попросил покровительства у Римского Первосвященника – мера, к которой прибегали, хоть и без всякой пользы, многие греческие императоры накануне падения их империи. Григорий XIII, занимавший в то время Святой Престол, лелеял, подобно всем Папам, надежду подчинить Ватикану Восточную Церковь. Он отправил к Иоанну вышеупомянутого Поссевино, дабы принудить польского короля, подчиненного Святому Престолу, примириться с московитами. Баторий некоторое время помедлил, но в конце концов заключил мир на условии, что царь уступит Польше то, чем он владел в Ливонии, а поляки возвратят России те земли, которые завоевали незадолго до того. Помимо войн с внешними врагами, царь Иоанн боролся с внутренними возмущениями, которые он усмирив все, кроме одного, в ходе которого он против воли убил собственного первородного сына. Разгневавшись на молодого князя, которого подозревал в соучастии в заговоре, царь ударил его по голове посохом с такой силой, что несчастный через четыре дня умер¹²⁵. Это происшествие повергло отца в безутешную скорбь на всю оставшуюся жизнь: эту скорбь он пытался смягчить, посылая частую и щедрую милостыню Патриархам Константинополя и Александрии, а также монахам Святой Горы и Гроба Господня, чтобы они непрестанно молились об отпущении его греха и спасении души его сына. Наконец в 1584 г. он умер в возрасте пятидесяти шести лет¹²⁶, оставив двух сыновей: Федора¹²⁷, которого назначил своим преемником, и Димитрия¹²⁸, которого ввиду его малолетства отдал под опеку князя Богдана Бельского [Bogdan Bielchi]¹²⁹.

Федор в возрасте двадцати двух лет принял в свои руки бразды правления и, взяв в супруги сестру князя Бориса Годунова [Boris Gudnow]¹³⁰, сделал шурина своим местоблюстителем.

¹¹⁹ Ошибочное рассуждение: Иван IV охотно заключал союзы с мусульманскими князьями и принимал их в подданство, сохраняя за ними их веру, хотя переход в православие всячески поощрялся.

¹²⁰ Описаны события февраля 1563 г.

¹²¹ Рим. 10:2. – *Прим. автора.*

¹²² В действительности Рим. 20:2. В Синодальном переводе Библии: «основана на знании».

¹²³ Сигизмунд II Август (1520–1572), король Польский с 1530 г.

¹²⁴ Стефан Баторий (1533–1586), король Польский с 1576 г., трансильванский князь, венгерское имя Иштван Батори (Báthory István).

¹²⁵ Царевич Иван умер 19 ноября 1581 г.

¹²⁶ Иван Грозный скончался в возрасте 53 лет.

¹²⁷ Федор Иоаннович Блаженный (1557–1598), на царском престоле с 1584 г., т. е. в возрасте 26 лет, а не 22, как ниже у Катиоро.

¹²⁸ Царевич Димитрий (1582–1591) – младший сын Ивана IV и его седьмой жены Марии Нагой. В 1584 г. отправлен с матерью в Угличский удел, где погиб при неясных обстоятельствах.

¹²⁹ Богдан Яковлевич Бельский (не позднее 1550-х – 1611) – боярин (1605), опричник, приближенный Ивана IV.

¹³⁰ Ирина Федоровна Годунова (в иночестве Александра; 1557–1603), сестра Бориса Федоровича Годунова (1552–1605), который в 1587–1598 гг. был фактическим правителем государства, а в 1598 г. был венчан на царство. Ниже у Катиоро ошибочная дата кончины Годунова – 1604 г.

лем. Бельский, опекун Димитрия, желая сам править государством, попытался силой возвести на престол своего подопечного под тем предлогом, что Федор был якобы не способен к правлению¹³¹. Однако этому воспротивились знатнейшие бояре («Гранды» – Grandi) и принудили его вместе с подопечным удалиться в Углич [Uglitz], маленькую крепость на землях Казанского царства¹³². Борис, видя, что у царицы, его сестры, нет детей, замыслил захватить верховную власть над Россией. Дабы устранить единственное препятствие, мешавшее его замыслу, с большим трудом и щедрыми посулами заставил приближенного к нему служилого человека принести в жертву невинного Димитрия. Убийца немедленно исполнил этот преступный приказ, однако князь Борис, желая как можно надежнее скрыть свое преступное деяние, отплатил изменнику той же монетой, повелев убить его на обратном пути с места преступления. Некоторые говорят, что мать Димитрия, заблаговременно извещенная о намерении Бориса, спрятала своего настоящего сына и заменила его другим ребенком сходного телосложения. Отсюда и берет начало та – уж не знаю: комедия или трагедия – Лже-Димитриев, сыгранная на подмостках великого театра Российской империи, зрителями которой мы вскоре станем. При дворе действительно ходили слухи, что именно Борис был виновником одного убийства, однако этот хитрец сумел так искусно заставить всех молчать, что продержался у власти до смерти царя, своего шурина, последовавшей в 1597 году¹³³. Не обошлось без подозрений, что преждевременной этой смерти поспособствовала отравка.

С кончиной Федора прервалась древняя царская династия, восходящая к Рюрику, и знатнейшие люди царства собрались, чтобы выбрать нового монарха. Борис удалился в монастырь, сделав вид, будто желает оставить мир, хотя на самом деле более всего желал славы сего мира. Эта уловка ему удалась. К воротам монастыря стекались бояре и народ и усердными мольбами стали убеждать Бориса принять царский венец, которого он так желал тем более, чем решительнее от него отказывался. Ему не пришлось, однако, долго наслаждаться им в мире. В Литве нашелся юноша приятной наружности около двадцати четырех лет от роду, который утверждал, что он и есть тот самый Димитрий, сын царя Иоанна, которого Борис пытался убить и которому удалось избежать этой опасности благодаря предусмотрительности его матери и милосердия одного священника. В подтверждение своих слов он показывал золотой крестик, инкрустированный алмазами, который, по его словам, ему повесили на шею при крещении по обычаю, принятому у московитов. Польская республика сочла целесообразным встать на защиту интересов этого Димитрия и предоставить в его распоряжение достаточное по численности войско, чтобы возратить ему престол его предков. Во главе этого войска, которое сопровождал казачий отряд, Димитрий вступил в пределы России, где многие города открыли ему врата, и на его сторону перешло множество служилого люда и бояр. Царь Борис, придя в замешательство от этих известий, послал против Димитрия армию, достаточную, чтобы остановить его продвижение. Зная, какой властью над душой его народа обладает религия, Борис заставил Патриарха Московского¹³⁴ отлучить от Церкви всех, кто встал на сторону Димитрия, и назвать его «вором, обманщиком и колдуном». Войска, направленные против польского войска, обратили его в бегство, так что Димитрий остался с одними казаками. Однако, так как стремящемуся к высшей власти не место посредине между горными вершинами престола и бездной смерти (*Imperium cupientibus nihil medium inter summa aut praecipitia*^{135 136}), Димитрий,

¹³¹ Федор Иоаннович был действительно не способен к правлению.

¹³² Ошибочное утверждение; С. Писарев в своем переводе написал так: «город Углич, который находится в Московской губернии» [Катиφόро, 1788, с. 17].

¹³³ Неточность: Федор Иоаннович умер в январе 1598 г.

¹³⁴ Первый патриарх Московский, Иов (в миру Иван, ок. 1525–1607).

¹³⁵ Tacit. histor. lib. 2. – Прим. автора. «Перед тем, кто идет на борьбу за императорскую власть, один лишь выбор – подняться на вершину или сорваться в бездну» (лат.) (Тацит. История. Кн. 2, параграф 74).

¹³⁶ В современном издании см.: [Тацит, 1993, т. 2, с. 82].

воодушевленный самим отчаянием, с одними казаками атаковал русских с такой яростью, что смял пехоту и заставил конницу с позором обратиться в бегство. Счастливым для Дмитрия исход этой битвы привлек на его сторону многие города, согласившиеся признать его своим государем. Когда Борис получил это печальное известие, с ним случилось сильнейшее кровотечение, от которого он спустя несколько дней и умер в апреле 1604 года после семи лет правления. Бояре незамедлительно избрали на царский престол его сына Федора, пятнадцати лет от роду, назначив регентшей при нем его мать. Однако Дмитрий продолжал свой поход, и, когда он подошел к Москве, народ, всегда охочий до новизны, заполонил Кремль и заключил царя Федора и его мать в темницу. Вскоре после этого их нашли мертвыми: неизвестно, убили ли их изменники, надеявшиеся тем заслужить благоволение Дмитрия, или они сами выпили яд, чтобы избежать унижений, которым мог подвергнуть их победитель¹³⁷. Дмитрий прибыл в Москву шестнадцатого июня: россияне сразу же провозгласили его своим императором¹³⁸, и он с большой пышностью совершил торжественный вход в город и отправил в Польшу помпезное посольство, желая выразить этой стране свою признательность и попросить себе в жены дочь сандомирского воеводы¹³⁹, главного вдохновителя всего этого грандиозного предприятия.

Между тем, москвиты почувствовали себя оскорбленными из-за того, что Дмитрий предпочел раздавать должности иностранцам, в особенности полякам. Главой недовольных стал некий Федор Шуйский [Teodoro Zuschi]¹⁴⁰: он надеялся возвыситься благодаря падению Дмитрия. Тот узнал о заговоре, Шуйский был арестован и специально созданным для этой цели судом приговорен к смерти на эшафоте как виновный в оскорблении Его Величества. Четвертого июля, в момент приведения приговора в исполнение, Дмитрий, желая произвести впечатление зрелищем царского милосердия, помиловал его и, думая, что этим даром совершенно его обезоружил, сделал его ближайшим своим доверенным лицом. Однако уже в самом скором времени стало ясно, сколь опасно для государя сохранять жизнь тому, кто однажды осмелился плести против него заговор. Думая, что ему больше нечего опасаться, Дмитрий продолжил, как и прежде, оказывать благоволение полякам и привечать при дворе отцов-иезуитов. Он отдал им большой монастырь рядом с государевым дворцом и не скрывал того, что полагается во всех своих делах на их советы. Это поведение возбудило новый прилив ненависти к нему в сердцах всех москвитов, заклятых врагов любой религии, кроме греческой. Бояре, и прежде всего Шуйский, воспользовались женитьбой Дмитрия на сандомирской княжне, чтобы претворить в жизнь свои замыслы. Обряд венчания по греческому обряду провел тот же самый Патриарх, который за несколько лет до того подверг отлучению всех вставших на сторону того, кого он теперь торжественно благословлял¹⁴¹. Во время свадебных торжеств, продолжавшихся много дней, группа заговорщиков в полночь заняла дворец: исполненные ярости, они перебили всех попавшихся им на пути поляков или тех, кого они принимали за поляков. Царь Дмитрий от шума проснулся и, осознав опасность, выпрыгнул из окна, ища спасения, однако люди Шуйского схватили его и привели в приемную залу. Шуйский, желая сохранить видимость закона посреди беспорядков и возмущений, повелел привести вдову царя Иоанна¹⁴²,

¹³⁷ Федор Борисович Годунов (1589–1605) и его мать, Мария Григорьевна Скуратова-Бельская (ок. 1552–1605), дочь Малюты Скуратова, 10 июня 1605 г. были задушены.

¹³⁸ Он не был провозглашен императором сразу, но 31 июля 1605 г. короновался цесарем в Успенском соборе и венчался царем в Архангельском с миропомазанием и причащением.

¹³⁹ Марина (после коронации – цесарева [императрица] Мария Юрьевна) Мнишек (1588–1614/1615).

¹⁴⁰ В действительности князь *Василий* Шуйский (ок. 1552–1612), на царском престоле в 1606–1610 гг.

¹⁴¹ Ошибка. Совершенно ослепший патриарх Иов был отставлен, а на его место избран патриарх Игнатий (не позже 1560–1640), который короновал Дмитрия и Марину Мнишек и совершал обряд их бракосочетания.

¹⁴² Мария Федоровна Нагая (в иночестве Марфа) (1553–1611).

которая подтвердила, что ее сын был действительно убит по приказу Бориса, а человек, который находится в зале, вовсе не ее Димитрий. После этого он был изрублен на мелкие куски¹⁴³.

Не подлежит сомнению, что ни одному тирану не удалось убить своего преемника. Бояре тотчас избрали своим государем того же Шуйского, который на своем примере явил истинность одного речения Тацита: *Summa scelera incipit cum periculo, peragi cum praemio*^{144 145}. Он прежде всего повелел опубликовать манифест, чернивший память предшественника, в котором объявлялось, будто «в законном порядке установлено, что онный самозванец был монах по имени Гришка Отрепьев [Grisca Utropoia], исполнявший обязанности певчего в монастыре рядом с Императорским дворцом в Москве, а потом, пристрастившись к занятиям магией, воровством похитил российский престол. Желая обогатить поляков отнятым у московитов добром и доставить удовольствие иезуитам, своим советчикам, он попрал все обычаи Восточной Церкви и пообещал Папе искоренить в Российской империи древнюю греческую религию, как это следует из писем, направленных ему Папой. Однако Небо, разгневавшись на него, поразило его той карой, которой он заслужил». Когда этот манифест был опубликован, Шуйский приказал сжечь труп Димитрия, а пепел выбросить в реку: он полагал, что тем самым оправдал свой поступок и придал законный вид своему избранию на царство.

Однако другой самозванец¹⁴⁶, опираясь на поддержку поляков, испортил победителю его торжество. Он выдавал себя за царя Димитрия, который будто бы сбежал от московских смут, а Шуйский по ошибке приказал убить другого человека. На сторону самозванца встали многие города, и удача сопровождала его в трех битвах с Шуйским, во время которых было перебито множество московитов. Те, с одной стороны, не были уверены в исходе битвы, полагая, что Шуйский неугоден Небесам; а с другой – убеждены, что победитель действительно самозванец, поэтому решили предложить царский венец Владиславу [Ladislao], сыну Сигизмунда, короля Польши¹⁴⁷, который с готовностью его принял, но не слишком торопился отправлять сына в Москву. Тем временем Шуйский был низложен с престола и укрылся в монастыре, откуда его вместе с домашними насильно извлекли и выдали полякам. Произошло это одновременно с тем, как Димитрий был убит тартарами в Калуге [Coluga].

Но и третий Димитрий¹⁴⁸ не замедлил явиться. Этот человек, служивший в Москве дьячком в некоей канцелярии, имел наглость утверждать, будто он – тот самый Димитрий, который спасся в Угличе от убийц, посланных Борисом, в Москве – от нападения Шуйского, в Калуге – от засады татар. К нему присоединилось некоторое количество солдат и людей низкого звания, и в скором времени ему стало казаться, что ему улыбнулась удача. Тогда он разослал по всей России манифест, в котором «повелевал своим верным подданным вспомнить о долге и покориться их законному государю». Великий город Псков [Plescovia] открыл ему ворота, однако, погрязнув в разного рода бесчинствах, он сделался столь ненавистен народу, что люди не просто его покинули, но выдали настоящему царю, желая стяжать его милость: тот вскоре велел повесить его за пределами Москвы¹⁴⁹.

Этим царем стал Михаил Федорович Романов [Michele Federovitz Romanof]¹⁵⁰, которого незадолго до того московиты избрали на место Владислава: на протяжении двух лет

¹⁴³ Привод Димитрия в «приемную залу» – легенда, не имеющая под собой оснований.

¹⁴⁴ Tacit. Annal. 12. – Прим. автора. «Затевать злодейства невозможно, не подвергаясь опасности, но преуспевший в них щедро вознаграждается» (лат.) (Тацит. Анналы. Кн. 12, параграф 67).

¹⁴⁵ В современном издании см.: [Тацит, 1993, т. 1, с. 223].

¹⁴⁶ Известен как Лжедмитрий II и Тушинский вор (15??–1610); второй (венчанный) муж Марины Мнишек.

¹⁴⁷ Владислав IV Ваза (1595–1648), старший сын польского короля Сигизмунда III (1566–1632), в 1610–1612 гг. номинальный русский царь; после смерти отца и по свою кончину – польский король.

¹⁴⁸ Лжедмитрий III (Исидор, по другой версии Матвей; 15??–1612).

¹⁴⁹ Анахронизм: в тот момент номинальным царем оставался Владислав.

¹⁵⁰ В 1612 г. – Прим. автора [в действительности в 1613 г.].

тот не объявлялся, чтобы принять предложенную ему корону, к тому же возникло подозрение, что поляки собираются превратить Московию в польскую провинцию. Тогда князья и бояре торжественно провозгласили московский престол вакантным и выбрали себе монархом вышеозначенного Михаила, сына Федора Романова [Teodoro Romanof], в то время Патриарха Московского¹⁵¹. Этот иерарх был двоюродным братом со стороны матери царя Федора Ивановича: он сначала покрыл себя славой на посту верховного командующего, а затем вступил на стезю духовной жизни и достиг патриаршего сана. В действительности все единогласно желали избрать царем самого патриарха, однако почтенный старец решительно отказался, заявив, что «церковный сан, который он на себя принял, не позволяет ему заниматься мирскими делами», и предложил вместо себя сына, Михаила, который вскоре с общего согласия бояр [Senatori] и был провозглашен царем. В то время этому государю было семнадцать лет от роду, однако он был одарен всеми способностями, делающими юношу достойным властвовать. Он сохранил почтительную любовь к своему отцу, иерарху, который заслуживает того, чтобы навсегда остаться в памяти русских, ибо от него в третьем поколении происходит наш герой: ведь до своего удаления от мира он произвел на свет царя Михаила, от Михаила родился царь Алексей [Alessio], а от Алексея родились три царя – Федор [Teodoro], умерший бездетным¹⁵², Иван [Giovanni], оставивший после себя двух дочерей¹⁵³, и Петр Великий, славную жизнь которого мы намереваемся описать. Из двух дочерей царя Ивана старшая, Екатерина [Catterina], к настоящему времени уже умершая, была герцогиней Мекленбургской, а младшая, Анна, вдова герцога Курляндского, счастливо правит обширной Российской империей.

Михаил, взошед на престол, прежде всего направил свои усилия на то, чтобы подавить смуты, вызванные самозванцами. Чтобы навсегда искоренить самую их возможность, он силой золота склонил казаков отдать ему Калугу, в которой держал свой двор мнимый сын Димитрия II, и сделал так, дабы и сын этот, и его мать, несчастная княгиня Сандомирская, были утоплены в проруби¹⁵⁴. Он вел войну с Швецией, завершившуюся мирным договором. С поляками он также заключил перемирие на четырнадцать лет. Он взял в жены Евдокию Лукьяновну [Eudossia Lucanowna]¹⁵⁵, которая родила ему сына, будущего царя Алексея. Он столь мудро отправлял правосудие, что добился любви не только своих подданных, но и чужеземных: при дворе его можно было встретить послов большинства соседних держав, стремившихся поддерживать с ними добрые отношения. Даже Генеральные штаты Соединенных провинций¹⁵⁶ отправили к нему торжественное посольство, желая восстановить торговлю с Архангельском. Спокойствие его правления попытался возмутить четвертый самозванец, выдававший себя за сына царя Шуйского: он также надеялся сыграть роль царя на подмостках великого театра России,

¹⁵¹ Официально Федор Никитич Романов (1553(54?)–1633) стал патриархом под именем Филарета лишь 24 июня 1619 г., после возвращения из польского плена, хотя впервые оказался «нареченным патриархом» в Тушинском лагере Лжедмитрия II, где оказался в 1608 г. И, в самом деле, С. Писарев в своем переводе про отца Михаила вместо «патриарха» ставит «митрополит Ростовский» [Катиφόро, 1788, с. 29].

¹⁵² У Федора Алексеевича (1661–1682) от первого брака с Агафьей Семеновной Грушецкой (1663–1681) был сын Илья (11–21 июля 1681), умерший во младенчестве.

¹⁵³ У Ивана V Алексеевича (1666–1696) было не две, а пять дочерей, из которых две умерли в раннем детстве: Мария (1689–1693) и Феодосия (1690–1691), а три дожили до взрослого возраста: Екатерина (1691–1733), в замужестве мекленбург-шверинская герцогиня; Анна (1693–1740), российская императрица, и Прасковья (1694–1731). Про последнюю дочь, не упомянутую у Катиφόро, С. Писарев добавил: «...меньшая Параскева Иоанновна в девицах скончалась» [Катиφόро, 1788, с. 31], хотя она после смерти матери тайно вышла замуж за генерала и сенатора И. И. Дмитриева-Мамонова.

¹⁵⁴ Ошибочные сведения. Лжедмитрий II был убит под Калугой во время охоты 21 декабря 1610 г., за два с лишним года до воцарения Михаила. Его жена, Марина Мнишек, вскоре после его смерти (в конце декабря 1610 или в начале января 1611 г.) родила сына Ивана. Бежала с И. М. Заруцким, который, возможно, стал ее третьим мужем, и до июня 1612 г. находилась под Москвой в Коломне, где ее сын был объявлен наследником престола. Опять бежала с Заруцким на юг, в 1614 г. была схвачена и в июле привезена в Москву, где в декабре 1614 (в январе 1615?) г. «от болезни и с тоски по своей воле умерла», как записал ее бывший подданный, Федор Григорьевич Желябужский (цит. по: [Козляков, 2005, с. 315]), а ее четырехлетний сын повешен.

¹⁵⁵ Евдокия Лукьяновна, урожденная Стрешнева (1608–1645) – вторая жена Михаила Федоровича (1626).

¹⁵⁶ Нидерланды.

однако, узнав, что его же домашние собираются выдать его царю Михаилу, решил отправиться странствовать по свету, в каждой стране меняя платье под стать местным обычаям, а вместе с ним и религию. Он отправился сперва в Константинополь и там сделался турком; оттуда он переехал в Рим и объявил себя католиком; затем он появился в Германии и там представлялся то лютеранином, то кальвинистом. Наконец он угодил в руки герцога Голштинского, который и выдал его московитам. Те отправили его в Москву, где он был повешен и четвертован¹⁵⁷. Так завершилась в России печально известная трагикомедия самозванцев. Нельзя отказать этим людям в незаурядном мужестве и отваге. Они пытались ловить рыбку в мутной воде, стремясь хоть на краткое время вкусить сладость власти. Тот, кто обратится к историческим сочинениям древних, найдет в них сходные примеры. Так, в «Истории» Тацита мы читаем о Лже-Нероне, который, будучи обыкновенным музыкантом, имел дерзость выдать себя за настоящего Нерона, утверждая, будто тот, вопреки молве, вовсе не умер. Многие ему поверили или сделали вид, что поверили, и к нему присоединились почти все дезертиры и целые отряды солдат, из-за чего его стали в самом деле опасаться. Множество народу примкнуло к восстанию под знаменами самозванца в силу общераспространенной склонности людей к новизне: *Regum novarum cupidine, & odio praesentium*^{158 159}. Однако негодяю этому недолго суждено было смущать народ. Кальпурний Аспренат¹⁶⁰, военачальник императора Гальбы¹⁶¹, позаботился о том, чтобы несчастный, кем бы он ни был, был убит¹⁶²: *interfectus, quisquis ille erat: corpusque in Asiam, atque inde Romam pervectum est*¹⁶³. Но вернемся к царю Михаилу. После благополучного и долгого правления он скончался 12 июля¹⁶⁴ 1645 года.

На другой день князя и бояре возложили царский венец¹⁶⁵ на главу Алексея, которому было тогда шестнадцать лет. Господин Морозов¹⁶⁶, которому Михаил вверил воспитание будущего государя, сделавшись первым министром, управлял империей с излишним высокомерием. Он добился того, что царь взял себе в жены одну из дочерей Ильи Милославского [*Elia Miloslauschi*]¹⁶⁷. Сам он женился на второй из них и так стал свояком своего подопечного и монарха. Морозов и Милославский объединились с Плещеевым [*Plesoff*]¹⁶⁸, главным судьей Московского суда: они образовали своего рода триумvirат, который решал все государственные вопросы по своему произволению. Народ, не в силах терпеть злоупотребления и притеснения, которые учинялись ими самими или происходили с их поущения, открыто восстал против них и не желал успокаиваться, требуя смерти двух главных министров, и царь с боль-

¹⁵⁷ Речь идет о Тимофее Дементьевиче Анкудинове (не ранее 1617–1654), выдававшем себя за Ивана, сына Василия Шуйского. Один из первых русских поэтов. Бежал за границу в 1643 г., захватив значительную сумму казенных денег. Ездил по Европе в 1644–1653 гг. Именно его выдал московским властям шлезвиг-голштинский герцог (были еще два лжесына Шуйского – Лже-Симеоны, но они действовали в Польше и Молдавии в 1639–1640 гг.).

¹⁵⁸ Tacit. Histor. Lib. 2. – *Прим. автора*. «Из-за жажды новизны и ненависти к существующему» (лат.) (*Тацит*. История. Кн. 2, параграф 8).

¹⁵⁹ В современном издании см.: [*Тацит*, 1993, т. 2, с. 53].

¹⁶⁰ Луций Ноний Кальпурний Торкват Аспренат – римский политический деятель, консул 94 и 128 гг.

¹⁶¹ Сервий Сульпиций Гальба (?–69) – римский император с 68 г. по свою кончину.

¹⁶² Ср. «...триерархи <...> пообещали соответствующим образом настроить солдат, перетянуть их на его сторону и тогда вернуться; сами же пошли и всё честно рассказали Аспренату. По его призыву солдаты штурмом взяли корабль самозванца, где этого человека – кто бы он на самом деле ни был – и убили. Голову его, поражающую дикостью взгляда, косматой гривой и свирепым выражением лица, отправили в Азию [корабль Лже-Нерона стоял у одного из Эгейских островов], а оттуда в Рим» (*Тацит*. История. Кн. 69; см.: *Корнелий Тацит*. Соч.: В 2 т. Т. II. М.: Ладомир, 1993).

¹⁶³ «Убит – кто бы он на самом деле ни был, – и тело его отправлено было в Азию, а оттуда в Рим» (лат.).

¹⁶⁴ Неточность: 13 июля.

¹⁶⁵ Венчание Алексея Михайловича датируется 28 сентября 1645 г.

¹⁶⁶ Борис Иванович Морозов (1590–1661), боярин, воспитатель («дядька») царя Алексея Михайловича; в 1645–1648 гг. возглавлял русское правительство.

¹⁶⁷ Мария Ильинична, урожденная Милославская (1624–1669).

¹⁶⁸ Леонтий Степанович Плещеев (?–1648), воевода, судья Земского приказа.

шим трудом сумел умиротворить народ сохранить жизнь своему воспитателю Морозову, который в дальнейшем вел себя с большей осмотрительностью. Усмирив мятеж, Алексей начал войну с поляками и в 1654 году после долгой осады взял город Смоленск [Smolensco], а потом и Вильно [Vilna]. В то же самое время он во главе другого сильного войска отвоевал Черниговскую область [Czernicovia] и важный город Киев [Chiovía], который позже, после заключения мира, поляки ему уступили. И те же поляки оказали ему помощь против Швеции в осаде Риги, однако эта цитадель оказала такое ожесточенное сопротивление, что москвитам пришлось заключить перемирие, в конце концов превратившееся в прочный мир.

Спокойствие правления царя Алексея было возмущено восстанием Стеньки Разина [Stenco Rasino]¹⁶⁹, предводителя казаков, российских подданных, возмущенного тем, что генерал Долгоруков [Dolgoruchi]¹⁷⁰ приказал повесить его брата¹⁷¹ – решение это и в самом деле было слишком поспешным. Под этим предлогом Стенька стал подначивать казаков открыто выступить против гнета москвитов. Они так и сделали и заняли многие города. Теснимые царским войском, они попросили взять их на казенный кошт. Когда это им было позволено, они пообещали впредь вести себя смирно. В скором времени, однако, Стенька снова сбросил с себя личину смирения и попытался провести среди казаков религиозную реформу, проповедуя им особый вид социнства¹⁷². Ему удалось взять штурмом несколько городов, после чего он обратил свою ярость против Астрахани: там солдаты, стоявшие на часах, открыли ему ворота, пока назначенный из Москвы губернатор молился в церкви¹⁷³. Войдя в город, казаки безжалостно убили губернатора вместе с его детьми¹⁷⁴. Они пронеслись по городу, всё круша на своем пути, подобно неистовому потоку, и повсюду оставляя следы своей жестокости. Однако подоспевший со своими войсками генерал Долгоруков¹⁷⁵ загнал мятежников в ловушку, громя их отряды. Они рассеялись по городу, и предводитель их, не чувствуя себя в Астрахани в безопасности, попытался найти убежище в лесах. Однако, будучи арестован одним из своих же присных, он был отослан в Москву, где его подвергли суду как мятежника и приговорили к смерти в 1671 году¹⁷⁶.

На следующий год турки вознамерились вторгнуться в Польшу, и царь Алексей отправил посла в Константинополь, чтобы сообщить султану о союзе, который он заключил с поляками и по условиям которого был обязан вооруженной силой поддерживать своего союзника, если тому грозило нападение. И в самом деле, он не только оказал полякам требуемую помощь, но и, ревностно соблюдая союзнические обязательства, одновременно с этим отправил послов ко всем дворам христианского мира, и среди прочих к Верховному Понтифику Клименту X¹⁷⁷, стремясь, в меру возможности, составить лигу против свирепого недруга христианского рода.

¹⁶⁹ Степан Тимофеевич Разин, известный более как Стенька Разин (1630–1671), предводитель восстания 1667–1671 гг., крупнейшего в истории допетровской России.

¹⁷⁰ Боярин и воевода кн. Юрий Алексеевич Долгоруков (1610–1682).

¹⁷¹ Атаман донских казаков Иван Тимофеевич Разин (162?–1665), старший брат Степана Тимофеевича Разина.

¹⁷² Религиозное антиринитарное учение, названное по имени Фаусто Паоло Социни; возникло и распространилось в Речи Посполитой. Однако данных о том, что оно распространялось среди разинцев, нет. Более того, ходили слухи, что среди восставших был патриарх Никон, в это время находившийся в ссылке.

¹⁷³ Взятие Астрахани описано ошибочно. Воевода (а не губернатор – таковых в Московии еще не было; С. Писарев, тоже ошибочно, называет его «градоначальником» [Катифор, 1788, с. 37]) – кн. Иван Семенович Прозоровский (1618–1670) во время штурма не молился в церкви, а командовал обороной города. Захвачен в плен и казнен Разиным. Его брат Михаил (ок. 1632–1670) погиб в бою.

¹⁷⁴ Сыновья 16-летний Борис Большой (1654–1670) и 9-летний Борис Меньшой (1661–1718) были повешены за ноги. Младший выжил, оставшись на всю жизнь хромым.

¹⁷⁵ Всё тот же кн. Ю. А. Долгоруков.

¹⁷⁶ В действительности Разин дошел с восставшими до Симбирска, был ранен в бою, увезен на Дон, там весной 1671 г. после боя захвачен «домовитыми» казаками и в апреле 1671 г. действительно привезен в Москву. Казнен 6 июня 1671 г. Астрахань же была захвачена лишь 27 ноября 1671 г.

¹⁷⁷ Климент X (в миру Эмилио Бонавентура Альтьери; 1590–1676), папа римский с 1670 г. по свою кончину.

Все дворы любезно приняли этих послов. В Риме посланники испытали определенные трудности при исполнении церемониала: московский посол отказался целовать туфлю понтифика, указав на то, что подобное унижительное действие недостойно величия его государя. Причина ничтожная, ибо в то время даже и цари не считали для себя зазорным держать стремя Патриарха Российского и помогать ему садиться на коня и слезать с него. Вместе с тем папа не хотел в своем ответе Алексею титуловать его царем, опасаясь, что титул этот на иллирийском наречии¹⁷⁸ означает то же, что на итальянском языке – император. Посол совещался с разными кардиналами, но все эти переговоры закончились ничем – равно как ничем оказались и красивые слова и громкие обещания других дворов. Однако Алексей, совершенно не смущенный этими неудачами, а скорее, наоборот, преисполнившись рвения, решил лично остановить натиск турок: он уже приступил к исполнению своего замысла, когда Господь призвал его к себе в 1675 году¹⁷⁹ в возрасте 46 лет. Алексей был женат дважды. Первая жена его, которая была, как мы уже сказали выше, дочерью Ильи Милославского, родила ему двух сыновей – Федора и Ивана¹⁸⁰, и шесть дочерей¹⁸¹, среди которых особенно выделялась принцесса Софья¹⁸². Вторая жена Алексея, бывшая дочерью Кирилла Нарышкина [Cirillo Narischino], родила на свет Петра Великого и принцессу Наталью¹⁸³.

Федор унаследовал власть от своего отца в возрасте восемнадцати лет. Он продолжил войну с турками, подавил мятежи и вернул Украину; в конце концов он добился мира с Портой и решил заключить брак, взяв в жены даму из рода Заборовских [Sabarofschii]¹⁸⁴. Свадьбу сыграли в начале 1681 года. Через несколько месяцев супруга умерла, и царь женился во второй раз на другой даме из наизнатнейшего рода по имени Мария Апраксина [Maria Apraxin]¹⁸⁵. Но если первый брак оказался роковым для супруги, то второй – для супруга, которого за несколько дней убила горячка¹⁸⁶. Этот государь был, бесспорно, одарен великими талантами, о чем свидетельствует, не считая прочего, героический поступок, совершенный им за несколько лет до смерти. Он повелел всем знатным людям государства принести ему подлинные грамоты с указанием их титулов и привилегий – будто бы для того, чтобы подтвердить их. Те послушно явились в назначенный день и принесли эти грамоты царю. Он же, собрав их в огромную кучу, бросил в огонь, горевший в приемной зале, провозгласив при этом, что «привилегии и преимущества отныне опираться будут не на рождение, а на заслуги»¹⁸⁷. Благородная максима, которую впоследствии в полной мере претворил в жизнь в Российской империи наш Петр.

Однако самым важным доказательством того, что Федор поистине обладал великим талантом к управлению государством, следует считать принятое им решение относительно наследника престола. Он не оставил после себя сыновей; у него было только двое братьев – Иван и Петр. Вполне естественно было бы сделаться его преемником Ивану – первому по стар-

¹⁷⁸ В итальянском обиходе иллирийцами тогда именовали балканских славян, входивших в римскую паству; С. Писарев переводит «иллирийский» как «славянский» [Катиφόро, 1788, с. 38].

¹⁷⁹ Правильно: в 1676 г.

¹⁸⁰ В действительности сыновей было пятеро. Кроме Федора и Ивана, еще Димитрий (1648–1649), Алексей (1654–1670) и Симеон (1665–1669).

¹⁸¹ Дочерей было восемь, но две умерли во младенчестве или в раннем детстве: Евдокия (1650–1712), Марфа (1652–1707), Анна (1655–1659), Софья (1657–1704), Екатерина (1658–1718), Мария (1660–1723), Феодосия 1662–1713), Евдокия (26–28 февраля 1669).

¹⁸² О Софье существует обширная литература. См., например: [Богданов, 2001, с. 210–278; Бушкович, 2008, с. 129–172; Васьцкий, 1994, с. 28–44; Васильева, 1999, с. 11–36; Лавров, 1999; Манько, 2007; Соловьёв, 1991, с. 252–453; Суккина, 2007, с. 166–220; Хьюз, 2001; Aust, 2000; Bushkovitch, 2001, p. 125–169; Hughes, 1985; Hughes, 1986; Hughes, 1990; и др.].

¹⁸³ Была еще дочь Феодора (1674–1677).

¹⁸⁴ Агафья Семеновна Грушецкая (1663–1681), из рода Заборовских была ее мать, Мария Ивановна. Агафья умерла после родов.

¹⁸⁵ Марфа (не Мария, как у Катиφόро) Матвеевна Апраксина (1664–1715).

¹⁸⁶ Считается, что он умер от цинги, которая у него носила хронический характер; почти не мог ходить из-за опухания ног.

¹⁸⁷ Красочно описано сожжение т. н. *Поместных книг* после отмены местничества 12 января 1682 г.

шинству, и казалось, что и сам Федор должен бы отдать ему предпочтение, ведь он был рожден от его матери, в то время как Петр – от мачехи. Однако царь выше всего ставил благо своих народов. Он видел, что Иван, столь же слабый умом, сколь болезненный и немощный телом, не сможет полноценно управлять столь обширным царством. Напротив, глядя на лицо Петра, он заключал по блеску в глазах, по ловкости манер и живости речи, что в теле его заключена душа, рожденная править. Поэтому, вопреки праву первородства и обычаю всех монархий, против ожиданий всего двора, он объявил своим наследником младшего из братьев¹⁸⁸.

Петру было тогда всего десять лет¹⁸⁹: он родился от брака царя Алексея с Натальей Нарышкиной [Natalia Narischina] 30 мая 1672 года по старому стилю, которого благоговейно придерживаются москвиты: в соответствии с более точным, григорианским, стилем это было девятое июня. Все сословия государства, неизменно послушные последней воле царей, беспрекословно признали Петра своим государем, однако властолюбие Софьи, старшей единоутробной сестры Ивана¹⁹⁰, привело к тому, что мудрое решение Федора не было исполнено. Эта женщина, наделенная живым и проницательным умом, желая не только участвовать в управлении государством, но и самой быть государыней, тотчас же замыслила заставить Петра разделить власть с братом: «Если на стороне Петра была последняя воля покойного царя, то на стороне Ивана были законы и обычай всего мира. Если бы на престол удалось посадить обоих братьев, то Петр был бы вынужден уступить первенство Ивану как старшему». Таким образом она надеялась незаметно удалить Петра от государственных дел и взять в свои руки управление страной.

Одновременно с тем, как Софья задумывала этот план, другой властолюбец стремился к той же цели независимо от нее. Это был Хованский [Covanschi], глава Стрелецкого приказа [Camera degli Strelizzi]¹⁹¹ – в России тот, кто занимает эту должность, имеет примерно такие же полномочия и обязанности, как в Турции ага янычар. Намереваясь воспользоваться малолетством Петра и слабоумием Ивана, он распустил слух, чтобы самому завладеть престолом¹⁹², будто царь Федор был отравлен. Подчиненные ему стрельцы собрались, чтобы отомстить за кровь государя, обвиняя придворных, влияния которых Хованский особенно боялся. Ничто больше не могло остановить алчности и жестокости этой солдатни, и меньше чем за сутки улицы Москвы покрылись трупами, дворцы знати были разграблены, лавки купцов опустошены, невинные перебиты вместе с виноватыми. Царевна Софья, у которой нашли прибежище многие бояре вместе с Патриархом, видя, что дело плохо, оставила дворец и отправилась туда, где мятеж бушевал с особой силой. Ее появления оказалось достаточно, чтобы усмирить недовольство. Однако ей не удалось извлечь из этого никакой для себя выгоды: после того как возмущение улеглось, все дружно поспешили возложить венец [corona]¹⁹³ на голову Петра, который был призван и объявлен Царем и Государем всея Руси [Czar e Signore di tutte le Russie].

Царевна Софья вынуждена была смириться с тем, чему не могла воспрепятствовать: несмотря на то что ей пришлось узнать на деле, какова польза от действий Хованского, она всё же стала подбивать его и его стрельцов на новый мятеж. Те, подстрекаемые своим начальником, стали угрожать вновь повергнуть весь город в хаос, если им не покажут царевича Ивана.

¹⁸⁸ Передача трона Федором Петру – недостоверная версия, прямых свидетельств ее нет. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

¹⁸⁹ На момент избрания на царство Петру еще не было 10 лет: он был провозглашен царем 27 апреля 1682 г., а родился 30 мая 1672 г.

¹⁹⁰ Софья была не единоутробной, а полнородственной сестрой Ивана и единокровной – Петра.

¹⁹¹ Воевода кн. Иван Андреевич Хованский, по прозвищу Тараруй (не позднее 1620-х – 1682) не был тогда главой Стрелецкого приказа, но стал им после того, как 16 мая 1682 г. во время этого бунта был убит глава приказа, кн. Ю. А. Долгоруков.

¹⁹² Эта версия, скорее всего, родилась во враждебной ему среде, чтобы оправдать его казнь 17 сентября 1682 г. Однако в течение лета 1682 г. реальная власть действительно принадлежала этому потомку дома Гедимины [Богословский, 2007, с. 43].

¹⁹³ 27 апреля Петр был только провозглашен царем, а его венчание на царство вместе с братом Иваном происходило 25 июня 1682 г.

Пришлось уступить и показать его им: тогда они, возложив на его голову другой царский венец, провозгласили его царем вместе с братом. Одновременно с этим бояре были вынуждены сделать царевну Софью регентшей, приставив к ней совет с великим канцлером Долгоруковым [Dolgoruchi] во главе¹⁹⁴.

Казалось, спокойствие было восстановлено. Царевна получила то, что хотела, и не могла рассчитывать ни на что большее, однако властолюбие Хованского не было утлено. Ему казалось, что он может достичь своей цели только посредством новых возмущений, поэтому он продолжил разжигать у своих солдат, которых насчитывалось примерно двадцать тысяч, тот мятежный дух, который он же в них и зародил. Он пустил слух, будто готовится заговор против общественного спокойствия и покушение на жизнь царей. Верные слуги царского дома умолили своих господ укрыть от опасности их священные особы. Они скрылись в Троицком монастыре, прекрасно укрепленном месте, расположенном на расстоянии пятидесяти миль от столицы. Граф Головин [Golovino] собственноручно увез туда царя Петра¹⁹⁵. Прошло всего несколько дней, и стрельцы вновь восстали, и, принеся множество невинных людей в жертву своей ярости, особенно жестоко расправились они с великим канцлером и его сыном¹⁹⁶. Подобную наглость со стороны стрельцов царевна Софья должна была публично осадить. Но то ли она не верила, что ей под силу будет их наказать, то ли рассудила, что стоит приберечь их для претворения в жизнь черных замыслов, которые тогда уже вынашивала, – как бы то ни было, она удовлетворялась тем, что обратилась к Хованскому с просьбой, «дабы он сохранил свои войска верными долгу, и заодно поблагодарила его за ревностное служение ее дому»: ведь всю эту резню он-де учинил для того, чтобы отомстить за смерть царя Федора. Между тем сделалось известно, что царя Петра в Троицком монастыре коварно пытались отравить, однако яд благодаря вовремя подоспевшей помощи верных слуг не оказал того вредоносного действия, на которое рассчитывал замышлявший это святотатственное убийство, кем бы он ни был. Тем не менее в членах тела Петра осталась от этого отравления некая склонность к болезни, на протяжении всей жизни его впоследствии проявлявшаяся в некоторых весьма необычных симптомах¹⁹⁷.

Поддержка царевны весьма воодушевила Хованского, который считал, что теперь всё готово для того, чтобы царский венец попал ему в руки – или, по крайней мере, в руки его сына. В царской семье существовал обычай – не выдавать принцесс замуж, а отправлять их для обитания в какой-нибудь монастырь, в котором, правда, они продолжали вести весьма приятную жизнь. Царевна Софья, не желая следовать этому правилу, добилась того, что ей было позволено оставить монастырь под предлогом помощи брату, царю Федору, в его болезни. Свободный дух, царивший при дворе, нравился ей больше, чем суровость монастыря, и она решила не возвращаться в обитель¹⁹⁸. Для того чтобы жизнь ее при дворе никому не показалась странной, она подговорила других принцесс, своих сестер и теток, оставить монастырское обитание и

¹⁹⁴ «Великого канцлера» Долгорукова не существовало, и на этом этапе Софье никто не предлагал регентство («правление»). Это произошло лишь 29 мая, после того как Иван 23 мая был также провозглашен царем, а 26 мая стал считаться первым царем [Богословский, 2007, с. 43].

¹⁹⁵ Фраза содержит многослойные ошибки и не соответствует действительности в целом. Графских титулов Россия тогда не знала; первым графом действительно стал Федор Алексеевич Головин (1650–1706), но лишь в 1702 г.; ни Головин, ни кто другой не увозили в тот момент Петра в Троицкий монастырь; вместе с братом Иваном и сестрой Софьей он лишь 19 августа отправился по маршруту: Коломенское – Саввин-Сторожевский монастырь – Троицкий монастырь [Богословский, 2007, с. 44]. С. Писарев в своем переводе имя Головина опустил, указав в этом эпизоде на неких «верных царских служителей».

¹⁹⁶ Имеются в виду боярин кн. Юрий Алексеевич Долгоруков и его сын, Михаил (ок. 1631–1682). Но никто из них не был «великим канцлером»: отец управлял Стрелецким приказом, а сын был его «товарищем» (заместителем). Сына убили 15 мая 1682 г., а отца – на следующий день.

¹⁹⁷ Известная во времена Катиоро легенда. Никакого отравления не было, но нервный тик после событий 1682 г. остался. Такое ощущение, что во всем, что касается Троицкого монастыря, Катиоро отчасти путает события лета – начала осени 1682 и 1689 гг.

¹⁹⁸ То, что Софья была тогда в монастыре, является мифом. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

жить при дворе, как она сама. Хованский счел, что его замысел возвести собственную семью на царский престол может увенчаться успехом, если ему будет придана некоторая видимость законности, и решил женить своего сына на царевне Екатерине [Catterina], младшей сестре Софьи. Он надеялся, что при новом возмущении стрельцов цари будут убиты и тогда народ с готовностью передаст царский венец его сыну ради его супруги. Он опирался в этом своем намерении на пример царя Михаила: ему представлялось, что тот взойшел на российский престол лишь благодаря тому, что происходил от княгини из рода древних царей¹⁹⁹. Поэтому он стал подначивать своих стрельцов совершить чудовищное убийство, постоянно отзываясь об обоих царях в самых пренебрежительных выражениях. Ивана он называл «немошным и слабоумным», а Петра – «ребенком, которому по летам впору питаться молоком кормилицы, а не царствовать». В этих своих речах ко всему этому он добавлял также, что, по всей вероятности, «Петр страдает тем же недугом, что и его братья». Увидев, что царевна Софья благосклонно восприняла прежние его дерзкие поступки, он более не боялся явно обнаруживать свои намерения и без обиняков посватал царевну Екатерину за своего сына. Тогда открылись глаза у Софьи: ей стали ясны цели властолюбивого полководца, однако в свойственном ее природе искусстве притворства она столь преуспела, что ей удалось без труда обмануть Хованского. Она сделала вид, что одобряет его замысел, а в действительности стремилась лишь выиграть время, чтобы успеть принять против него меры. В числе ее советников и сторонников был князь Василий Голицын [Basilio Galizino]²⁰⁰, особа весьма умная и ловкая, лучшая в этом роде из всех, кого только можно было найти в России. Этому министру она открыла свою тайну. Ловкий вельможа посоветовал царевне, не теряя времени, устранить Хованского, повинного уже во многих преступлениях, караемых смертью. Теперь эти двое вместе стали искать средство, чтобы исполнить задуманное²⁰¹.

Цари продолжали оставаться в Троицком монастыре. Тут случился праздник св. Екатерины, имя которой носила царевна. В то время и в России распространен был обычай торжественно отмечать праздники святых, имена которых носили цари, царицы и члены царской семьи. И вот начались широкие приготовления к этой церемонии: приглашены были многие бояре и сенаторы, и среди них – Хованский с сыном. Так как царевна Софья готовила задуманное ею в строгой тайне, Хованский ни о чем не подозревал: поэтому он вместе с сыном, без сопровождающих, направился к монастырю. Внезапно путь ему преградил отряд драгун²⁰² числом около двухсот, и он совершенно неожиданно для себя был схвачен и вместе с сыном препровожден в дом по соседству. Там им зачитали смертный приговор и без промедления обезглавили. Таков был конец первого изменника, злоумышлявшего против жизни Петра, о сохранении которой, как представляется, само Провидение заботилось с особым тщанием²⁰³.

Как только стрельцы узнали о том, что случилось с их вождем, они решили объединиться, чтобы отомстить за его смерть тем, кого они найдут в ней виноватыми, кем бы те ни были. Они отрядами рассредоточились по городу и прежде всего заняли арсеналы и склады, угрожая всё истребить огнем и мечом. Двор сразу же получил известия о случившемся. Задолго до этих событий царь Алексей привлек себе на службу большое число иностранных офицеров и сол-

¹⁹⁹ Видимо, имеется в виду, что Михаил Федорович был внучатым племянником первой жены Ивана Грозного, Анастасии Романовны (1530(32?) – 1560). И это действительно сыграло свою роль при выборе его на царство.

²⁰⁰ Василий Васильевич Голицын (1643–1714) – боярин, фаворит царевны Софьи Алексеевны, фактический глава правительства во время ее регентства.

²⁰¹ Всё вышесказанное касательно расчетов Хованского и советов Голицына Софье не имеет подтверждения источниками. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

²⁰² У Софьи были не драгуны, а съехавшиеся к Троицкому монастырю конные дворяне; возможно, что среди них были и конные стрельцы; в переводе С. Писарева: «двести человек конных» [*Катифор, 1788, с. 50*].

²⁰³ Вызов Хованского и задержание его никак не связаны с празднованием св. Екатерины, который и не праздновался в Троицком монастыре. Хованский был захвачен не в доме по соседству, а во Всесвятском. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

дат, прежде всего немецких, и образовал из них особый корпус²⁰⁴, на который многочисленные стрелецкие полки смотрели с пренебрежением и досадой. Князь Голицын посоветовал царевне выставить против мятежников эти иноземные войска, квартировавшие в слободе [Borgo] под Москвой²⁰⁵. В Троицкий монастырь вызвали офицеров для дачи им приказаний, которые они должны были исполнить: те поспешили в монастырь, не подумав о том, что они оставляют свои семьи на милость стрельцов. Те, узнав о приказах, которые получили немцы, решили предотвратить уготованное им наказание, напав на их слободу и захватив их жен и детей. Были среди них и такие, кто хотел уничтожить всю слободу огнем и мечом, однако менее жестокие их собратья воспротивились столь варварскому решению и уговорили своих товарищей примириться с двором. Для этой цели в Троицкий монастырь послали нескольких офицеров. Так как вина на них лежала меньшая, чем на других, их выслушали благосклонно, и они добились прощения – на том, однако, условии, что сложат оружие и выдадут властям зачинщиков мятежа. Те сделали даже больше, чем от них требовали: привычные к кровопролитию, они направили свою ярость против тех, кто сам так часто подавал ее пример. Перебив своих полковников и многих других офицеров, они разошлись по домам²⁰⁶.

Царям больше нечего было бояться, и они отправились обратно в столицу, сопровождаемые знатью и иностранными войсками. Разоруженные стрельцы выстроились вдоль дороги и кланялись в землю, моля о милосердии. Тогда стала ясна великая разница между величием Петра и убожеством Ивана: последний смотрел на происходящее в оцепенении, в то время как Петр, напротив, с подлинно царским величием и видом одновременно суровым и благосклонным давал стрельцам понять, что милость им дарована²⁰⁷. Так, сопровождаемые благословениями благодетельствованных стрельцов и приветственными криками собравшегося народа, цари со всем двором возвратились в Кремль (так у московитов называется царский дворец). Царевна Софья, распорядившаяся всем, как полновластная государыня, немедленно произвела князя Голицына в чин великого канцлера²⁰⁸, который в России, как для других монархий, соответствует должности первого министра. Голицын взялся за мятежных стрельцов и назначил следователей, которым поручено было собрать точные сведения об их поведении. Тех, чья вина была наиболее тяжелой, приговорили к смерти, остальных отправили в ссылку. Из этих ссыльных образовали четыре полка, которые были расквартированы на четырех концах Российской империи²⁰⁹. Великий канцлер распределил все должности, освободившиеся после стольких смертей, между теми, кого он считал наиболее достойным их занять, не обращая никакого внимания на их родовитость. Должность главы Стрелецкого приказа, которую занимал Хованский, была отдана одному искателю удачи по имени Шакловитый [Techelavito]²¹⁰. Молодой Голицын²¹¹, двоюродный брат канцлера, был назначен главой Казанского приказа; должности глав остальных приказов были розданы тем, кого скорее можно было считать став-

²⁰⁴ Они не составляли особого корпуса в эту эпоху, но были офицерами в полках. С. Писарев вместо «корпуса» пишет «слобода» [Катифор, 1788, с. 51].

²⁰⁵ Солдатские полки, которыми командовали иностранцы, не квартировались в Немецкой слободе. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

²⁰⁶ О каких-либо массовых убийствах в этот период источники не сообщают. Стрельцы были напуганы, и им было не до новых бесчинств даже в пользу Софьи.

²⁰⁷ Источники об этом умалчивают. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

²⁰⁸ Такого чина в России той эпохи не существовало. В. В. Голицын был «Царственным большим печати и государственных великих посольских дел сберегателем, ближним боярином и наместником новгородским», а также фаворитом царевны Софьи, что еще важнее.

²⁰⁹ Информация недостоверная – казней не было, стрельцы жили в Москве. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

²¹⁰ Федор Леонтьевич Шакловитый (Большой) (сер. 1640-х – 1689), думный дьяк, затем глава Стрелецкого приказа (1682–1689), сторонник и фаворит царевны Софьи.

²¹¹ Имеется в виду кн. Борис Алексеевич Голицын (1654–1714), с 1689 г. – боярин. Во время событий 1689 г. спас В. Голицына от казни.

ленниками канцлера, чем его коллегами. Всё это навлекло на него ненависть родовитых бояр – ведь отныне они лишены были привилегий, которыми предки их обладали исстари²¹².

Конец первой книги

²¹² Радикализм В. В. Голицына чрезмерно преувеличен. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

КНИГА ВТОРАЯ

В Москве заключен вечный мир со Швецией. Царевна Софья силится повредить нравы Петра. Император Германии пытается склонить москвитов к союзу против турок. Князь Василий Голицын ведет войну с крымскими татарами, но возвращается в Москву, не добившись успеха. Софья предлагает ему убить обоих царей, но он разубеждает ее и добивается того, чтобы царю Ивану была найдена супруга. На следующий год ²¹³ Голицын опять принимает поход против татар, и снова безуспешно. Брачное сочетание царя Петра. Софья плетет против него новый заговор. Заговор раскрыт, и Петр заточает Софью в монастыре. Петр упраздняет стрелецкое войско ²¹⁴ и заменяет его иностранными полками. Он предпринимает осаду Азова и со второй попытки завладевает крепостью. Петр создает в Воронеже [Veroniza] арсеналы и доки для строительства кораблей. Он совершает долгое путешествие и посещает многие дворы Европы. Новый заговор заставляет его вернуться в свои земли, где он проводит в высшей степени полезные реформы.

Так обстояли дела в стране, когда в Москву прибыли послы шведского короля, желавшие возобновить мирный договор с Россией: предыдущий договор был заключен в Кардисе [Cardis] в 1662 году на двадцать лет, и теперь они истекали²¹⁵. Князь Голицын с готовностью откликнулся на предложение шведов и добился того, что Кардисский договор превратился в вечный мир. Оба царя поклялись соблюдать его и отправили в Стокгольм нового посла, чтобы тот принял от шведского короля подобную же клятву. Посол был принят при этом дворе с большим почетом, а Карл XI поклялся соблюдать мир со всеми подобающими случаю торжественными формальностями.

Могущество царевны Софьи и канцлера²¹⁶ Голицына после заключения этого договора, который обеспечивал России полное спокойствие на внешних рубежах, еще увеличилось: они безраздельно правили государством и принимали все меры, которые казались им политически целесообразными для удержания власти. Для этого они назначили на наиболее важные должности доверенных людей, отстранив родственников царя Петра по материнской линии и всех других сторонников молодого государя, этой единственной надежды Российской империи²¹⁷ и единственного препятствия на пути к осуществлению честолюбивых замыслов царевны. Держась этой нечестивой политики, она пыталась развратить нравы своего брата, раз уж лишить его жизни не было никакой возможности. Под предлогом заботы о брате она позволяла ему обретаться в компании развращенных и беспутных юнцов, стремясь тем самым возбудить в душах подданных отвращение и ненависть к царю²¹⁸. Однако эта недостойная уловка не имела успеха, ибо если семена добродетели в душе Петра и ослабели, то все же задушить их и истребить до конца не удалось. Вместо того, чтобы развратиться примером сверстников, которых сестра сулила ему в товарищи, юноша, напротив, сумел мало-помалу привить каждому из них любовь к тем многочисленным добродетелям, к которым он от природы был склонен. Самой

²¹³ Первый Крымский поход был в 1687 г.; второй – в 1689 г., т. е. через два года, а не на следующий. С. Писарев в своем переводе устранил анахронизм, поставив так: «О другом <курсив наш> походе князя Голицына в Крым» [Катиборо, 1788, с. 55].

²¹⁴ Стрелецкое войско не упразднялось после бунтов ни в 1689, ни в 1698 гг. После бунта 1698 г. были «скасованы» лишь часть московских полков. Более того, во время Северной войны формировались новые стрелецкие полки. Подробнее см. в: [Гузевич Д., Гузевич И., 2013; Они же, 2021, с. 18–19].

²¹⁵ Кардисский мирный договор (Кардисский мир), по итогам Русско-шведской войны 1656–1661 гг., был заключен в местечке Кардис (нем. Kardis; ныне Кярде (эст. Kärde), Эстония) 21.06/01.07.1661, а не в 1662 г.

²¹⁶ Такой должности не было. См. прим. 131 на с. 322.

²¹⁷ Руское (так!) царство официально стало именоваться Российской империей 22.10/02.11.1721.

²¹⁸ Софья не имела никакого отношения к воспитанию Петра. – *Коммент. Е. В. Анисимова.*

большой его радостью было обучаться самому и обучать своих товарищей, как бы играючи и ради забавы, различным военным упражнениям и механике, и прежде всего – мореходному искусству. Почти каждый день Петр плавал на Переславском озере [Lago di Perislavia]²¹⁹, что в Ростовском княжестве [Ducato di Rostou]: он делал все, что положено и матросу, и шкиперу, на маленьком суденышке, приказав для этой цели изготовить все необходимое для военного корабля снаряжение. Можно сказать, что именно там он изучил азы этого искусства и вскоре сделался одним из лучших его знатоков.

Приблизительно в это же время мятеж Текели [Techeli], князя Трансильвании²²⁰, и громкие обещания, которые он сделал султану Мехмеду [Maomet] IV²²¹, стали причиной войны в Венгрии. Император Леопольд²²², оценив пользу от союза с Россией, отправил к царям посла, дабы побудить их взяться за оружие против общего врага христианства. Однако вышло так, что императорский посол не смог исполнить этого поручения, потому что Голицын счел нецелесообразным разрывать перемирие, заключенное еще за двенадцать лет до того с Портой в царствование Федора, и посольство не принесло желаемого результата. Тогда император возложил свои надежды на Польшу. Там в это время еще правил великий Собеский [Sobieschi]²²³, который в 1676 году заключил с турками не слишком почетный мир, потому что по его условиям под властью Порты оставались важные земли Каменец [Caminizza]²²⁴. Поэтому для Венского двора было несложно привлечь этого короля к союзу против турок, в одной из статей которого было недвусмысленно сказано, что «следует усердно склонять Царей к вступлению в союз». Христианские державы серьезно рассчитывали на помощь Московии. Польский король также предпринял усилия, чтобы привлечь царей к союзу, но безуспешно. Так продолжалось до тех пор, пока в 1684 году к наступательному, на время войны, и оборонительному, навечно, союзу с Польшей и императором присоединились венецианцы. Тогда польскому послу наконец удалось заключить в Москве договор²²⁵, по условиям которого «за Россией мирным путем было закреплено право на владение Киевом и Смоленском, а Цари со своей стороны обязывались ради восстановления христианской веры в магометанских землях начать войну с турками и татарами и отправить послов во Францию, в Англию, Данию и Голландию, дабы побудить эти державы объединить силы против магометан». Во исполнение договора граф Шереметев [Seremetov]²²⁶ был отправлен в Польшу, а оттуда в Вену; князь Долгоруков [Dolgoruchi]²²⁷ – во Францию и Испанию, другие посланники – к другим дворам. Но с искренними намерениями в эту лигу²²⁸ вошел только Папа, когда император, венецианцы и поляки избрали его покровителем их союзного договора.

²¹⁹ Более известно как Плещеево озеро. В период правления Софьи Петр находился там в июле 1688 г., а также две первые декады апреля и две первые декады июня 1689 г.

²²⁰ Граф Имре Текёй, иначе Тёкёли (1657–1705) – венгерский магнат, глава национально-освободительного движения, в союзе с турецким султаном. Княжество Трансильвания по Карловицкому миру 1699 г. освободилось от власти султана и оказалось в зависимости от Габсбургов.

²²¹ Мехмед, иначе Магомед, IV (1642–1693) – султан Османской империи, правивший в 1648–1687 гг.

²²² Леопольд I (1640–1705), император Священной Римской империи германской нации с 1658 г.

²²³ Ян III Собеский (1629–1696) – видный польский полководец, король польский и великий князь Литовский с 1674 г.

²²⁴ В октябре 1676 г. Ян Собеский заключил с турками Журавенское перемирие, которое, однако, не было утверждено Сеймом; по условиям перемирия под властью турок оставалась Подолия, с крупным центром Каменец-Подольским.

²²⁵ Договор о вечном мире между Руским (так!) царством и Речью Посполитой, заключенный в Москве 26.04/06.05.1686 – крупнейшая дипломатическая победа правительства Софьи.

²²⁶ Боярин и воевода Борис Петрович Шереметев (1652–1719), в будущем – генерал-фельдмаршал (1701), сподвижник Петра, полководец, дипломат. Титул графа получил через 20 лет после описываемых событий, в 1706 г.

²²⁷ Князь Яков Федорович Долгоруков (1659–1720) – ближайший сподвижник Петра, приказной судья, с 1700 г. – генерал-комиссар, затем – генерал-кригс-комиссар, с 1711 г. – генерал-пленипотенциар-кригс-комиссар.

²²⁸ Священная лига была создана до этого договора, в несколько этапов в 1683–1684 гг. В 1686 г. Россия вошла в союз с участницей Лиги, Польшей, но сама в состав Священной лиги вошла только в январе–феврале 1697 г. Таким образом, во время Крымских походов 1687 и 1689 гг. и Азовских походов 1695–1696 гг. она действовала как союзница Лиги, но не как

В Российском Сенате [Senato di Russia]²²⁹ было решено, что, пока венецианцы попытаются отобрать у султана Морейское княжество и сковать его действия в Далмации, поляки атакуют его войска у границ Подолии [Podolia] и Волыни [Volinia], а немцы²³⁰ будут держать оборону в Венгрии и Трансильвании, московиты начнут войну в Тартарии и попытаются захватить Крым, драгоценный полуостров в Черном море, который древние называли Херсонесом Таврическим [Taurica Chersonesus]. Князь Голицын принял на себя верховное командование, порученное ему тем Сенатом. Однако, прежде чем выступить в столь серьезный поход, он добился того, что его сын был произведен в бояре в чине великого канцлера²³¹. В начале весны²³² он направился в сторону Крыма с войском в триста тысяч человек пехоты и сто тысяч человек конницы²³³. Однако путь оказался сопряжен с таким множеством трудностей, что до границ Тартарии они добрались только к середине июня, но не смогли там закрепиться, потому что тартарский хан²³⁴ приказал опустошить всю страну на пространстве пятидесяти лиг²³⁵, дабы не позволить вражеской армии продвинуться из-за недостатка средств к существованию – прежде всего воды и фуража. Поэтому военачальнику московитов пришлось изменить план и возвратиться обратно тем же путем, не находя чем прокормить свою армию, которая начала быстро таять из-за дизентерии и голода. Голицын между тем приказал арестовать атамана [Atman]²³⁶, т. е. казачьего генерала, который за переговоры с тартарским ханом был смещен с должности и отправлен доживать свои дни в Сибирь. Этого атамана звали Иваном Самойловичем [Giovanni Samueleviz]²³⁷. Главнокомандующий Голицын поставил на его место²³⁸ знаменитого Мазепу²³⁹, о котором мы расскажем в свое время. Все же нельзя сказать, что этот поход не принес никакой пользы. Ведь ближайшей целью его было помешать тартарам прийти на помощь туркам в Венгрии или в Польше, и цель эта была достигнута. Кроме того, князь Голицын получил возможность исследовать эту территорию и заметить то, что могло бы помочь или помешать россиянам в их будущих походах в Крым. Так, он приметил на реке Самаре место, подходящее для закладки города, который мог бы послужить военным приграничным складом. Этот замы-

ее участник.

²²⁹ Так Катиоро называет Боярскую думу.

²³⁰ Имеются в виду войска Священной Римской империи германской нации; С. Писарев в своем переводе называет их «цесарцами» [Катиоро, 1788, с. 60].

²³¹ В основе описания – записки де ла Невилля (ср. с: [Невилль, 1996, с. 139]). Старший сын В. В. Голицына, Алексей Васильевич Голицын (1665–1740) действительно в октябре 1686 г., в возрасте всего 21 года, получил боярский чин, а значит, право заседать в Боярской думе [Дворянские роды..., 1995, с. 36–37].

²³² Войско во главе с В. В. Голицыным выступило в поход из Москвы 22.02/04.03.1687 после торжественного молебна в Успенском соборе [Погодин, 1875, с. 119–120].

²³³ Цифры взяты из Невилля, ср. с: [Невилль, 1996, с. 77, 140]. По утверждению С. М. Соловьёва, численность войска В. В. Голицына составляла 100 тыс. чел., к которым на Самаре присоединилось до 50 тыс. казаков [Соловьёв, 1991, с. 380–381].

²³⁴ Селим I Герай (Гирей) (1631–1704) – хан Крыма; занимал престол четыре раза в 1671–1678, 1684–1691, 1692–1699 и 1702–1704 гг.

²³⁵ Это описание взято из записок де ла Невилля, ср. с: [Невилль, 1996, с. 77, 140], который пишет о 50 льё («50 lleües»). Таким образом, речь идет о французской мере длины (лиги были английские, испанские, португальские). Невилль в 1690-х гг., скорее всего, говорил о сухопутном почтовом льё, равном 2000 туазам, или 3898 м (1 туаз = 1,949 м). Сухопутное льё, равное 1/25 земного меридиана, или 4444,4 м, появилось уже в XVIII в. Тогда 50 почтовых льё ≈ 195 км. С. Писарев в своем переводе ставит «двести верст» [Катиоро, 1788, с. 61].

²³⁶ Правильно не «атамана» (таковые были у донских казаков), а «гетмана», каковые были в Войске Запорожском.

²³⁷ Иван Самойлович (1630-е–1690, Тобольск) – гетман Войска Запорожского на Левобережье Украины в 1672–1687 гг.

²³⁸ Указ о переизбрании Самойловича, подозреваемого в измене и не любимого казаками за свое высокомерие, пришел из Москвы в стан Голицына под Полтавой (основанием для указа был донос, об инициаторах которого в историографии идет спор; называется имя Мазепы). События происходили 22–25 июля (ст. ст.) 1687 г. Старшины запросили Голицына, кого он бы хотел видеть в гетманах. Тот назвал имя Мазепы, которое и было выкрикнуто на казацком круге. Подробнее см.: [Павленко, Петр..., 1994, с. 262; Соловьёв, 1991, с. 385–390].

²³⁹ Иван Степанович Мазепа (1639–1709) – гетман Войска Запорожского.

сел был воплощен в начале следующего года: город был построен по чертежам голландского инженера и назван Новобогородицк [Novobogrodilla]²⁴⁰.

Когда князь Голицын вернулся ко двору²⁴¹, царевна Софья подробно рассказала ему обо всем случившемся в его отсутствие и прежде всего поведала об опасениях, которые вызывало у нее чрезмерное усиление партии царя Петра, во главе которой стояли Нарышкины, т. е. родственники императрицы [Imperadrice]²⁴² – матери Петра²⁴³. Поэтому бояре, особенно же их сыновья, видя, что именно Петру предназначено стать опорой царства (ибо царь Иван был немощен и телом, и духом), примкнули к Петру, от которого зависела теперь их дальнейшая судьба. Софья боялась, что, если с течением времени эта партия возьмет верх, с ее регентством будет покончено и правление ее прекратится. Властолюбие до такой степени ослепило ее²⁴⁴, что она не только замыслила в душе своей, но имела даже дерзость предложить своему фавориту пойти на государственную измену: «лишить жизни собственных братьев²⁴⁵, дабы ей достался царский венец». Услышав это предложение, Голицын изменился в лице, ведь, хотя властолюбив он был не меньше царевны, в нем все же не до конца еще угасло чувство чести. Не зная, как поступить, он, с одной стороны, понимал, что с ним будет, если он открыто отвергнет план, предложенный ему такой норовистой царевной, с другой – думал о том высоком достоинстве, которого может достигнуть он сам и его семья, если поддержит замысел Софьи. Наконец он нашел выход, который, как казалось, примирял властолюбие с добродетелью. Он одобрил, или сделал вид, что одобрил, все цели царевны, но, осудил средства, которыми она этих целей намеревалась достигнуть, объявив их чрезмерно жестокими и опасными. Он сказал, что «к той же цели можно прийти непрямыми путями, пусть и не столь короткими, зато более надежными. Ведь необходимо же принимать в расчет и мнение общества, которое непременно восстанет против самой Софьи, если будет считать ее виновной во внезапной смерти Царей: поэтому ему представляется более подходящим другой путь. Следует дать Царю Ивану супругу, а в случае, если он окажется неспособным к исполнению супружеского долга – а были основания полагать, что так оно и случится, – подговорить жену к тайному совокуплению с кем-то. И тогда выйдет так, что у Ивана появится потомство, а значит, сторонники Петра будут разочарованы и непременно его покинут, а его самого легко будет принудить вступить в монашество. В этом случае они добьются своей цели, ибо телесная немощ Ивана позволит им пользоваться всей полнотой власти. После этого им будет легко известить весь свет о прелюбодействе царицы, объявить ее детей незаконными и лишенными каких бы то ни было прав на царский венец. Вслед за тем они добьются расторжения этого супружества и пострига царицы, уличенной в измене, и подберут Ивану другую жену, от которой не будет потомства. Так царский венец естественным образом окажется на голове царевны, которая заблаговременно назначит на важнейшие должности своих ставленников. Наконец, чтобы привлечь на свою сторону духовенство, лучше всего облечь патриаршим саном игумена Сильвестра²⁴⁶

²⁴⁰ Богородицкая (Новобогородицкая) крепость возведена в 1688 г. по проекту немецкого инженера Вильяма фон Залена, непосредственным начальником которого был гетман Иван Мазепа. Ее земляные валы сохранились в районе современного поселка Шевченко в черте г. Днепра, на правом берегу р. Самары.

²⁴¹ Голицын вернулся в Москву поздно вечером 4/14 сентября 1687 г. [Кохен, 1878, с. 122].

²⁴² Правильно: царицы. С. Писарев выходит из положения, именую Нарышкину «царицей, матерью Государя Императора Петра Великого» [Катиφόро, 1788, с. 63].

²⁴³ Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина; 1651–1694), вдова Алексея Михайловича, царица, мать Петра I.

²⁴⁴ Речь идет не только о властолюбии. Очевидно, что после завершения правления, которое в литературе не очень точно называется регентством и которое официально не ограничивалось сроком, Софью по русским обычаям, в лучшем случае, ждало замкнутое теремное житье, в худшем – монастырь, что ее, одну из наиболее образованных женщин своего времени, совершенно не устраивало.

²⁴⁵ Вряд ли речь могла идти и об убийстве Ивана тоже – этот брат ей не только не был помехой, но, будучи, как и она, по матери Милославским, самым своим существованием являлся для нее определенной защитой. К тому же он был не в состоянии управлять.

²⁴⁶ Сильвестр (в миру Симеон Агафонович Медведев; 1641–1691) – книгохранитель и справщик Московского печатного

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.